

The background is a complex abstract composition. It features a light blue and white color palette. A dark blue silhouette of a woman in a long, flowing dress is positioned in the upper right, facing away from the viewer. To her left, there are several concentric, wavy lines that resemble ripples or a stylized path. In the bottom left corner, there is a large, stylized graphic of concentric circles or a spiral, rendered in various shades of blue and white. The overall effect is one of movement and depth.

Виктор КУСТОВ

Очарование линий

18+

Виктор Кустов

Очарование линий

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Кустов В. Н.

Очарование линий / В. Н. Кустов — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Эта книга о самом сильном человеческом чувстве, о любви. О ее разных гранях. О поиске любви, потерях и находках, о драмах и историях совсем не печальных в этом вечном поиске.

© Кустов В. Н., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

И дай вам бог...	5
Заполярная история	15
Конец ознакомительного фрагмента.	42

И дай вам бог...

...И вот уже я и не я, а множество в единстве и единство во множестве, и бытие в небытии... А ещё это называется прогулкой по городку, в котором жил-был я и где великаны превратились в карликов... И тесновато мне, и сладостно, и весело, и печально... Я иду, а пыль лениво подымается облачками «до» и «после», нагло напоминая о нашем родстве... Пусть будет так, но... Я был великодушен ТОГДА, пытаясь великодушием заглушить страх от мысли, что ЭТО ВСЁ НЕ ДЛЯ МЕНЯ... Но сейчас я не играю с собой в прятки – я иду мстить. И сделаю это...

В тот день, когда Савелов-младший вернулся из армии, Савелов-старший убил человека.

Точнее, он его не убивал, он шёл на катере, тянул плот, длинную изгибающуюся и подрагивающую ленту, а день был знойный, такой, что песок на косе жёг ступни, и весь городок багровел на этой, сабельного изгиба, раскалённой постели (когда-нибудь такое непременно должно было случиться, но почему именно тогда и именно с Савеловым-старшим, этого никто толком не мог объяснить).

Так вот, в какой-то момент отдыхающий полез с мальчишками на плот, нырнул с него, но то ли был пьян, то ли ничего не разглядел в воде (хотя она была не такая уж мутная, и мы ныряли с открытыми глазами), умудрился попасть под следующую глению, потыкался (Венька Паньков рассказывал потом, что он даже руку видел, сдирающую кору со связанных брёвен), но, так и не найдя выхода, остался под брёвнами.

Тогда мелюзга посыпала с плота, пошлёпала к берегу, визжа от страха и белея округлившимися глазами, и на косе все замерли в жутком непонимании, а Савелов-старший высунился из рубки, словно почувствовал что-то (и даже потом, на допросах, всё путался, никак не мог объяснить, почему именно решил пристать к берегу, если ничего не видел), крутанулся обратно, отбросил племянника, белобрысого Саньку, от штурвала и стал чалить плот. Хорошо, что сразу за косой тянулась омутинка и глени не вздыбило на отмели, не поставило на попа. Пришлось бы тогда Савелову-старшему платить из своего кармана за срыв плана идущих следом катеров, за авральную работу бригады разборщиков, и вся сезонная зарплата ушла бы невесть куда, и тётя Зина пилила бы его года два, периодически оповещая улицу о несурзном своём мужике и бабьем горяшке...

Савелов-старший приткнул тогда плот и побежал по нему, проваливаясь между брёвнами, разбив в кровь лицо, и опять же неизвестно почему (как-то нескладно всё получается, сказали на суде, – не видел, не знал, а нашёл сразу), наткнулся на пальцы, вцепившиеся в бревно посреди глени, и, как был в одежде, так и бухнулся в воду. Бабы на берегу завизжали, в испуге позакрывали глаза ладошками, но Савелов-старший вынырнул с другой стороны. Молча побежал обратно, оскальзываясь и падая на мокрых, вертящихся брёвнах, и, уже недалеко от катера, закричал так, что слышно было на третьей от реки улице: «Верёвку-у-у!» И перепуганный Санька бросил ему какую-то верёвку, но, видно, не ту, потому что Савелов-старший снова закричал страшным голосом: «Убью-ю!», сам взобрался на катер, нашёл нужную ему верёвку и уже по берегу вернулся обратно, на ходу обвязываясь одним концом.

Другой конец он сунул какому-то дядьке, крикнул: «Через минуту тяни!».

И хотя у того не было часов, он вытянул Савелова-старшего вовремя, с закатившимися глазами, цепко обнявшего утопленника. Савелова-старшего положили на песок, и тот мужчина, что тянул за верёвку, стал поднимать и опускать ему руки, а другой, отправив мальчишек за «скорой помощью», стал делать искусственное дыхание утопленнику. Из рта Савелова-старшего скоро полилась вода, потом он стал кашлять, потом сел и попросил водки.

А утопленник становился всё синее и синее, но его всё качали и качали, пока не приехал врач и не сказал, что это бесполезно.

Тогда Савелов-старший попросил у врача спирта, но у того не оказалось, и он отправил Саньку за самогонкой к бабе Соне:

– Вот и две жизни погибли, – сказал он, выпив принесённый Санькой самогон, и как был, в разорванных брюках и рубахе, в полных воды сапогах, побрёл домой, ещё не зная, что приехал Савелов-младший, отслуживший положенный срок, с двумя лычками на погонах, повзрослевший и радостный.

В тот день, когда всё это случилось, я решил, что жить больше не стоит.

Забравшись в заросли лозы, росшей у самой воды, я обдумывал, как лучше всего, какими словами и когда сказать об этом Гале, чтобы это было красиво, как в книгах, герои которых отличаются благородством и этим завоёвывают женские сердца. Я думал так упорно, что не заметил плот, который протащил мимо Савелов-старший, и поэтому о том, что произошло на косе, узнал гораздо позже, а раньше я увидел Савелова-младшего. Он шёл по берегу от парома с чёрным, в цветных наклейках чемоданчиком в руке, и вся его грудь отсвечивала значками. Они так здорово блестели на солнце, что я подумал: глупо из-за того, что тебя не любят, умирать. Другое дело – стать таким, как Савелов-младший, блестя значками, пройти под окнами её дома. И она выглянет, не спрячешься от такого блеска. И скажет: «Юрочка, вернулся?» – «Вернулся, – скажу я. – Как ты тут поживаешь, выходи вечером...» Она смутится и спрячется, но вечером обязательно придёт...

Савелов-младший скрылся за деревьями, не дав мне додумать самое интересное, что должно было произойти там, на лавочке в сирени, которую так любили все парочки. Я поднялся на берег и побежал следом за Савеловым-младшим, вот почему знаю, как он пришёл домой.

Тётя Зина как раз кормила тёмно-зелёной сечкой утят, желтоватых увальней, толкающих в нетерпении друг друга, падающих и смешно перебирающих лапками в воздухе. «Ах вы, проплоты, – приговаривала тетя Зина. – Ах вы, беспутные, ну, куды лезете, давитесь, всем хватит», – и сердито кышкала на заходящих бочком кур.

Савелов-младший открыл калитку, поставил чемоданчик, сбил фуражку на затылок и стал смотреть на тёткину спину, обтянутую застиранным сарафаном в коричневых подтёках, хотя когда-то сарафан был в ярко-красных цветах и тётя Зина ходила в нём в город.

– Басурманы, ну чистые басурманы, – сказала она и повернулась, чтобы отнести корытце, в котором приносила сечку.

Увидела Савелова-младшего, оторопело постояла, не узнавая и не понимая, что надо этому солдату в её подворье, а потом ахнула так, как это делала покойная Савелиха, сморщилась и одной рукой всплеснула, а другой всё так же держала корытце.

– Неужто Павел?

Савелов-младший, распахнув руки, как это делают в кино, обхватил тётю Зину за плечи, пару раз трянул:

– Я, тётъ Зин, я...

И тут тётя Зина расплакалась, засморкалась, поставив корытце, пошла в хату, а Савелов-младший присел на корточки, стал подманивать утят, но они не шли на его вкрадчивое «ути-ути-ути», и он поймал одного, суматошно дёргающего слабыми зародышами крыльев, и сел на крыльцо, держа его в руке.

Вышла тётя Зина, уже в другом, новом сарафане, с сумкой в руках. Постояла, глядя на Савелова-младшего, окрепшего, раздавшегося в плечах.

– Утёнок-то сдохнет, – сказала она, – ты его уж не чапай, замухрышку.

Савелов-младший выпустил утёнка, торопливо заковылявшего к топчущимся на сечке собратьям, блеснул крупными зубами, проронил:

– А говорят, всё течет, всё меняется...

– Чегой-то?

Тётя Зина остановилась у калитки, оглянулась, пытаясь скрыть досаду от того, что нужно бросать хозяйство, куда-то идти, принимать гостей, тратиться, но вспомнила своего сына, погибшего в автомобильной аварии перед самым восемнадцатилетием (был бы он уже таким, как Павел), прослезилась и, словно смыв слезой недовольство и заботы, пошла по улице улыбаясь, приглашая соседей вечерком на застолье: «Младшенький-то наш вернулся, весь бравый такой, в орденах...»

Савелов-младший расстегнул мундир, положил на перила крыльца фуражку, скинул блестящие сапоги, посидел, шевеля пальцами ног и улыбаясь, потом поднялся, в сенях выпил кваску, крикнул и вошёл в хату.

Савелов-старший шёл по улице и пел о далёких краях, о морозах, о загубленной с детства судьбе, останавливаясь подле соседок, судачащих на лавочках, низко раскланиваясь, так, что белый чуб касался дорожной пыли, и приглашал всех в гости, потому что теперь он, Савелов-старший, своё отжил и место ему в Сибири, потому что... И всхлипывал, не закончив фразы. А Санька плёлся следом и ныл: «Дяденька, дяденька...»

«Отгуляли па-аследни-ий денё-очек...» – тянул Савелов-старший и, не обращая внимания на цепляющегося Саньку, загребая сапогами пыль, медленно брёл к дому, впервые за двадцать с лишком прожитых с тётей Зиной лет не таясь, не скрывая хмель, не чувствуя за собой никакой вины.

Санька отстал, зыркнул сухими глазами, потоптался, забирая вправо, в тень проулочка, уже тихо радуясь освобождению от чужого, непонятного ему горя, и наконец припустил со всех ног, разгоняя кудахтающих кур.

Перед домом Савелов-старший приосанился, стараясь держаться прямо и даже печатать шаг, громко, без стеснения и слёз, затянул, как тянул за застольем:

– Широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек, я дру-у-угой тако-ой страны не знаю...

Тут он ударил сапогом в калитку и петь перестал, построжел лицом и, как подобает хозяину, забыв в эту минуту, что произошло, привычно прокричал:

– Женщина! Жена!

Калитка распахнулась.

Савелов-старший, помедлив, переступил порог и увидел Савелова-младшего, босого, в белоснежной нательной рубаше, в солдатских брюках.

– Брательник! Павлуха!..

Савелов-старший качнулся, упал в крепкие объятия Савелова-младшего и вдруг захлопал носом, не сдерживая больше скупых слез.

...Чего, собственно, я боюсь, уподобляясь юнцам или глупцам, не постигшим одного-единственного источника страха, – страха не добраться до собственной души, страха всю жизнь быть исполнителем навязанных тебе ролей и не пережить ни одну как следует, забыв, что всё подвластно только душе или тому, что называют воображением, чувствами, мыслью, подсознанием, химерой, мистикой, бредом... и куда мы отправляемся без пособий и спровочников и только в одиночестве. Я могу рассказать всё последовательно, разматывая клубок воспоминаний. И где нить порвана, мне ничего не стоит связать её своим узлом, и все будут думать, что тут нет узла.

Савелов-средний считался никчемным мужиком, попавшим под каблук жены и без стыда и совести забывшим свою родню. Но он всё-таки пришёл на этот полурадостный-полугорький

вечер – то ли встречу, то ли проводы – и Савелов-старший, чинно, в белой рубаше и синих парадных брюках сидящий за столом, не поддевал его как обычно, доводя до истерики жену Савелова-среднего, крупную, дебелую тётю Мотю, а Савелов-младший, уже отжалевший Савелова-старшего, весь в светлых планах на будущее, тянулся к крепкому брату, восторгаясь его основательностью, спокойствием и ровным течением жизни, думая и свою жизнь строить так же прочно и неспешно. Ещё не сознаваясь себе, он уже презирал всех неудачников, безжалостно относя к их числу и Савелова-старшего.

С Савелова-старшего уже взяли подписку о невыезде. Участковый Прохорюк сидел тут же, за столом, обмахивался поданным ему персональным полотенцем, похрустывал огурцами, причмокивал, багровел шеей с упруго ходящим под пуговицей форменной рубашки кадыком и, повторяя после каждой рюмки: «Ничо, ничо, сосед, всяко бывает, бы-ват...», снова хрустел, тянулся к тарелкам, подмигивал тётке Моте, и та фыркала. А Савелов-средний молчал, словно не ловил жену и Прохорюка на задворках своего огорода в непотребном виде... Тётя Зина сутилась, подавая закуски, меняя бутылки с самогоном, шепча тётке Моте в ухо, прикрытое кудряшками: «Ты уж поговори, выручи», и та недовольно кивала, снисходительно поглядывая сразу на всех троих: Савелова-старшего, мужа и Прохорюка. «Век не забуду», – шептала тётя Зина и садилась рядышком с мужем, прижималась к нему, еле сдерживая слёзы, подкладывала на тарелку всё новые и новые закуски, хотела даже покормить Савелова-старшего сама, как кормила с ложечки телят и другую беззащитную животину, но вовремя спохватилась и всё повторяла невпопад: «Кушайте, кушайте, гости дорогие...»

– Ты, это, Миша, не скорби, – сказал Савелов-средний. – Чего ж, не поможем, что ли?.. Поможем. Пару посылок зимой мы тебе с Мотей соберём. Сальца там с кабанчика, картохи...

– А и можно, – поддакнула тётя Мотя. – Родня ж...

– Ну, нашли тему. – Савелов-младший разлил самогон, стукнул своей рюмкой рюмку Савелова-среднего. – Не на похоронах же, братки...

– И то правда, – закивал Прохорюк. – Закон – он справедлив, зазря не накажет... Ну, Павел-вояка, а?.. Слышь-ка, а то иди к нам, я с майором поговорю...

– Подумаю, – заулыбался Савелов-младший. – Отосплюсь недельку, а там видать будет.

Стукнула калитка, чуть слышно, тайно, словно тот, кто входил, не хотел, чтобы его видели. И никто не услышал её стука, кроме меня, потому что я остался на улице с той стороны, а Галя вошла во двор, поднялась на крыльцо, сказала: «Здрасьте», – и за столом оживились, задвигали табуреты. – «Пап, мамка тебя искала, ты чегой-то рассиделся».

– О, дочка моя, – сказал Прохорюк. – Скажи, приду. Вот по-соседски встречу вояку и приду.

Она ещё спускалась по крылечку, осторожно примеряясь к ступенькам, ночь со света казалась непроглядной, когда вслед донёсся вопрос Савелова-младшего и громкий голос Прохорюка:

– Эт точно, красавица... Вот тебе и невеста, а? По-соседски...

И опять тихий голос Савелова-младшего и громкий – Прохорюка.

– Есть один, да женилка у него не выросла.

Савелов-младший засмеялся, зашла толстая тётя Мотя и Савелов-средний сдержанно захихикал. Галя уже открывала калитку, она всё слышала, потому что и я всё слышал, ожидая её. Она уже была рядом, но я рванул от неё, побежал по улице, сжимая кулаки и ненавидя всех на свете...

Кажется, она звала меня. Во всяком случае, мне хотелось, чтобы она кричала, бежала следом, как поступает любящий и понимающий твою боль человек, но я даже не приостановился, слёзы обиды, бессилия душили меня. Я уже не смог бы смотреть на неё так, как смотрел прежде. А она бы уже не просила: «Посмотри на меня ещё... У тебя удивительные глаза...»

Всё кончилось.

Блаженство ночных иллюзий, трепет встреч, вспышки молчаливой ревности, когда на школьных переменках она улыбалась Веньке Панькову или длинному Володьке Селезню... Моя любовь должна была теперь только тенью витать возле неё, ожидая волшебных слов, способных забвением покрыть происшедшее.

Я ещё не знал, что кое к чему в жизни нет возврата.

Я ещё многого не знал в тот тихий летний вечер, когда бежал по тёмным улицам к реке, а потом, на ходу сбросив рубашку, штаны, сбивая ноги о скользкие валуны, с размаху влетел в парную воду. Ненавидя и презирая себя, поплыл к другому невидимому берегу, но так и не доплыв, лёг на спину, и долго несла меня река, что-то нащёптывая и остужая. И, не особенно вдаваясь в этот шёпот, я незаметно пропитывался им, смутно догадываясь о великой силе движения, любого движения, будь то струи ленивой речки или мгновения суматошно летящего времени...

И всё-таки, это не было концом моей первой и, как водится, неразделённой любви.

Галя нашла меня на следующий день. Она была печально-красива. Она словно повзрослела за эту ночь и утро, пока мы не виделись, и я чувствовал ещё большую робость, когда смотрел на её волнистые, собранные в узел волосы, обгоревшее на солнце лицо, на смуглые плечи под тонкими тесёмками сарафана.

Я стоял, насупясь и ковыряя носком сандалии подвернувшийся камень, и она попросила: – Пойдём, пройдемся...

Мы пошли к берегу. Пошли так, как ходят влюблённые и как мы никогда ещё не ходили: я – засунув руки глубоко в карманы и пытаюсь насвистывать нечто модное, услышанное мной от взрослых парней, она – размахивая веточкой, сломанной с куста сирени, росшей перед нашим домом. Сирень эту я посадил, когда пошёл в первый класс. Я и отец. Мы вместе опускали тогда в ямку маленький пруттик, и мне совсем не верилось, что пройдёт время, и этот пруттик станет пышным кустом, унизанным гроздьями белых, оглушительно-душистых цветов. «Будет, – сказал тогда отец. – Как и ты когда-то будешь совсем большим, а я старым... Ничто, сынок, не стоит на месте». И вот теперь Галя держала в своей руке веточку с выросшего куста...

– Знаешь, Юрка, мы, наверное, уйдём от отца, – произнесла она усталым голосом, каким порой говорила по утрам мать с отцом, если он накануне приходил домой пьяным.

Мучительно придумывая, что сказать, я промямлил нечто невнятное. Она вскинула глаза, сиреневая веточка на мгновение замерла в воздухе, всего на мгновение, и вновь опустилась на ладошку.

– Знаешь, как мама с ним уста-а-ла, – протянула Галя и вдруг спросила: – Почему ты вчера убежал?

Почему?

Словно она не понимала почему!

Нестерпимый жар обжёг моё лицо, я боялся, что Галя увидит это, и почти побежал вперёд...

Мы сели на скамеечку недалеко от дома Паньковых. Вернее, села она, а я стоял рядом, разглядывая огоньки бакенов и фонарь на пароме, с которого доносился гомон человеческих голосов. Сквозь этот гомон прорывался хриловатый и хмельной, что было заметно даже на расстоянии, голос паромщика Кирюши.

– Па-а-стар-нись! – кричал, смешно прыгая на своём деревянном костыле, Кирюша. – Куды, куды едешь, лопух твою зелена, глаза разуй... А ну, давай, давай!..

Потом паром отчаливал, Кирюша, приставив мужиков тянуть трос деревянными, со специальными прорезями, колотушками, нырял в деревянную будку, пристроенную на корме, отпивал глоток из бутылки дешёвого плодово-ягодного вина, сворачивал самокрутку, и над рекой вновь летел его зычный голос:

– Па-а-стар-нись, тетеря, едят тя мухи!..

– Ты бы сел, Юр?.. А то как-то неприлично, я сижу, ты – стоишь...

Я сел на другой краешек скамейки, и Галя, вздохнув, спросила:

– Может, тебе домой надо?

– Отчего же, – охрипшим голосом произнёс я.

– Ну как, может, родители волнуются, поздно уже.

– Мои?.. Это твои всегда волнуются...

– Да...

Галя придвинулась ко мне, теперь я чувствовал тепло её тела.

– Глупенький ты какой, Юрка. Глупенький и... хороший...

Она положила ладонь на мою руку, вцепившуюся в край скамейки, и я почувствовал, как сердце забилося в груди, как оно оторвалось и уплыло в эту ночь, в этот наполненный счастьем воздух, как вобрало оно в себя Галю и теперь светилося счастьем.

...Всё прекрасное бывает в нашем мире кратким, всегда только мигом, но память о нём длится годами, порой всю жизнь, и надо уметь продлевать эти мгновения, растягивать их, может быть, в ущерб плотности, в ущерб силе. Именно от этого желания обмануться по доброй воле я стал любить более мир собственных фантазий, чем собственно мир. И, всё более увлекаясь этой игрой, не заметил, как она стала сутью моего существования. Такое постижение счастья казалось столь лёгким, что вскоре появилась сначала робкая, а потом всё более назойливая мысль, – я должен поделиться обретённым. И в этом понимании тоже было короткое счастье. Короткое, потому что оказалось: МОЁ – это не обязательно каждого. И это МОЁ должно было вобрать всех, кто встречался на моём пути, а это было трудно, мучительно... Как мучительна эта прогулка по улице моего детства, куда уже давно нет мне возврата и куда я тащу груз прожитых лет, хотя убеждаю себя, что возвращаюсь тем, прежним...

Не помогли ни тётя Мотя, ни Прохорюк, ни слёзные мольбы тёти Зины на суде. Все считали, что осудили Савелова-старшего неправильно, хотя ему дали всего два года – за то, что, проходя по реке через город, не отправил никого на плот отгонять мальчишек и взрослых, не принял необходимых мер и тем самым стал «косвенным соучастником случившегося». Из тесного и тёмного здания суда его, стриженного под нулёвку, отчего его большие красные уши казались приклеенными, увели два строгих милиционера. Тётя Зина плакала, прижимая к глазам концы косынки, хлопотала рядом тётя Мотя, и Прохорюк, в гражданском строгом костюме, успокаивал:

– Два года – это тьфу, эт ты и не заметишь... А он ничо, закон – это закон, ежели ко всем одним боком, то ко всем...

Тётя Мотя гладила тётю Зину по плечу, недовольно покрикивала на подходивших соседей, и Савелов-средний переминался тут же, не было только Савелова-младшего. А Савелов-старший о нём помнил, и, когда ему дали последнее слово, оглядел зал, поклонился:

– Прощевайте, люди добрые... Не поминайте лихом. А Павка пусть дом доглядает, родительский...

И сел.

– Ох, горюшко ты горькое! Ой, куды ж мово касатика увозю-ють! – в голос завывала тётя Зина, и строгий судья попросил её помолчать, а так как молчать она не могла, тётя Мотя вывела её из зала, и, когда зачитывали приговор, её причитания доносились сквозь закрытую дверь.

...Савелов-младший появился, когда машина увозила Савелова-старшего. Он огорчённо покачал головой, снял фуражку, потом опять надел и пристроился к Савелову-среднему, стал расспрашивать, какие заработки в леспромхозе и можно ли там лесом разжиться, чтоб дом построить. И Савелов-средний пообещал поговорить с начальством, добавив, что к нему, бри-

гадиру Савелову, начальство очень даже прислушивается, и быть его брательнику на самом лучшем месте, какое не всякому-то и приснится.

– Вот це добре, братуха, – сказал Савелов-младший. – По-нашему, по-родственному.

И, отстав от толпы, провожающей скулящую, словно на похоронах, тётю Зину, свернул в проулок, поднимая сапогами пыль и разгоняя кур, пошёл так, как ходят по плацу – легко и красиво впечатывая шаг.

Если б я знал тогда, куда он идёт...

Такого вечера больше не было в моей жизни никогда. Поэтому нет ему равных, нет на него похожих, а оттого остался он в памяти навсегда...

Это был вечер-прощание.

И даже если бы я знал, что Савелов-младший шёл на свидание с Галей и что с того августовского дня начнётся отсчёт моей неразделённой любви, я ничего бы не сделал. Не смог бы. Не решился. Я ещё не был мужчиной и должен был пройти через муки своей ненужности тому человеку, который тебе необходим более всего.

Я уезжал в эту осень в чужой и далёкий город, где меня ждали новые друзья, новые развлечения, новая студенческая жизнь, ждал техникум и раннее взросление. Я ещё грезил о своём победном возвращении, но даже в грёзах не мог представить, каким я стану через три года, когда приеду в этот городишко в новом костюме с привинченным техникумовском значком, с подарками, среди которых будет и подарок для Галины: томик стихов печального и понятного мне поэта из романтической Испании – Федерико Гарсиа Лорки...

Я узнал о том, что Галя встречается с Савеловым-младшим, в последний вечер, когда чемодан стоял уже наготове возле моей кровати. Мать, устало присев за стол, вдруг достала альбом с фотографиями, стала разглядывать мутноватые любительские снимки, на которых отразилось всё, что было вокруг: и жующие коровы, и худые ребячьи спины, и двор со снующими цыплятами, и чинно сидящие на скамейке у дома бабушка, отец и мама, вместе и порознь, со мной, и я, и праздничное застолье, в котором лица были совсем размыты, но мать почему-то не выбрасывала эту фотографию. Она разглядывала альбом, ждала отца, изредка поглядывая на часы и вздыхая, а я выскочил из дома, полетел по улице, хотя знал, что бегать мне было уже несолидно, зажимая в кулаке рубль, изъятый из запасов, которые мне дали на дорогу и на первые дни новой жизни.

У входа в городской сад, откуда уже гремела музыка, меня ждали Венька Паньков и Санька Савелов, сын Савелова-среднего. Я разжал кулак, Венька сграбастал рубль и медяки (как раз на бутылку «мурцовки»), сорвался и исчез в тёмной аллее, в конце которой стоял ларёк. Из него равнодушно, словно сова, взирала на подвыпивших пацанов толстая тётка. Потом мы пили кислое, противное вино, и Венька заплетающимся языком сказал, что видел Галку с хахалем, что надо бы его побить, несмотря на то, что он Санькин родственник. Санька захлопал носом, сказал, что родню бить он не станет, но защищать тоже, и мы пошли к танцплощадке: впереди Венька, за ним я и, поотстав, Санька.

Мы шли, наваливаясь друг на друга, по-мужицки сплёвывая и ругаясь так, как ругался паромщик Кирюша, занозисто и с выражением, наконец остановились у ограды танцплощадки, и Венька стал показывать пальцем на Савелова-младшего, выделявшегося своей армейской формой, а я смотрел на Галю и никого больше не видел. Она улыбалась, положив руки на плечи Савелова-младшего, а тот кружил её, и она была счастлива. Я не хотел в это верить. Но она смеялась, сплетая кольцо рук на его шее и не видя меня... «Не надо», – сказал я Веньке и, пошатываясь, побежал через кусты в спасительную черноту ночи, слыша позади презрительное «трус». Потом всё – и Венькин голос, и музыка, и шорох листьев – всё пропало, остался только Галин смех, от которого я становился иным, взрослым...

...Мне кажется, всё было игрой... Хотя играл ли я?.. Может быть, познавал трагическое, что в юности так притягательно, когда смерть так далека и кажется нереальной, и её тайна манит нас, по глупости мы запросто можем шутить с нею... Мне сейчас трудно разобраться, почему так происходит, но что было, то было, я постигал вкус жизни через её бренность... Это было так похоже на открытие, и я радовался, пока не понял, что это открытие сделано во времена Адама. Всё-таки, это была не жизнь, в ней слишком коротки и неосязаемы мгновения счастья... А есть ли оно?.. Узнаю ли...

Я не был на их свадьбе, но сколько раз я представлял заплаканную невесту, не спускающую глаз с дверей, в проёме которых должен был возникнуть я. Появиться, как в книгах, фильмах, в самый последний момент, и увезти своё счастье...

Я не был на её свадьбе, и всё было не так, как я представлял: её играли следующей осенью, когда Галина закончила школу и ей исполнилось восемнадцать. Столы стояли во дворе, а под яблоней, с которой уже свисали крупные и пахучие плоды антоновки, стоял стол жениха и невесты; был красив жених в чёрном костюме, за этот год раздобревший, возмужавший, но ещё краше была невеста, с потупленным взором и радостным румянцем на щеках, пронзённая ожиданием неведомого, манящего и пугающего одновременно, свадебного таинства. И гулевали на свадьбе Савелов-старший, которого отпустили домой, «разобравшись в верхах». Выплясывала тётя Зина, и Прохорюк в открытую целовал тётю Мотю – «дорогую родственницу»... На «горько» жених и невеста целовались долго, забывая обо всём на свете, чувствуя только друг друга, радуясь друг другу – разве это не было видно?.. И когда отшумело, повяло свадебное застолье, незаметно для пьяных гостей, наполовину уже забывших, по какому поводу они собрались за этим праздничным столом, молодые проскользнули в свой угол...

– Рас-цвета-ли яблони и груши... – тянули во дворе под шелест яблони, шорох звёзд, потрескивание керосиновых ламп, а в полутёмной комнатке сердца говорили о любви...

Я не хочу в это верить.

Но слова Галины, её голос, её глаза...

Что значит против них моё «хочу-не хочу», мой щеголеватый вид, самоуверенность городского, познавшего много полезного и запретного за этот год, жителя, свысока поглядывающего на пыль, сотворившую меня; её слова, когда наконец-то я встретил её без Савелова-младшего, встал на дороге и, обрядив волнение нахальством, спросил:

– Ну как, не жалеешь?

– О чём? – спросила она так, что я понял: не я – она ушла далеко вперёд, она имела право на покровительственный тон.

– Что потеряла меня?

– Глупенький, – ласково произнесла она и неожиданно погладила меня по голове, для чего ей пришлось приподняться на цыпочках, прильнуть ко мне; как я чувствовал её тепло! – Ты совсем ещё мальчишка...

Прикоснулась губами к моей щеке и улыбнувшись, неторопливо пошла прочь, оставив тоску и не покидающее меня ощущение невосполнимой потери.

Что оставалось мне делать?

Я задаю себе этот вопрос, он – моя запоздавшая неправда, корректировка жизни с сегодняшней точки зрения, а ведь всё было не так, не так...

Разве я не преследовал её тогда?

Разве не крался за ними, не кусал губы, не катался по земле, слыша звук поцелуев, нежность её голоса?..

Разве не тогда я написал: «Ты изменила мне, ну что ж, придёт мой час, придёт расплата. Явлюсь, и плачь ты иль не плачь, жестокой будет моя плата».

Через год, когда я снова приехал домой – год, наполненный множеством событий, среди которых было и опьянение страстью, и познание женщины, и взросление, год, изменивший меня так, что я уже стыдился себя прежнего, – я увидел рядом с савеловским ещё один, новый белый дом, пелёнки и ползунки на верёвочке, простоволосую Галину, дебелого Савелова-младшего, располневшего, степенного. Только Савелов-старший оставался таким же, всё так же тайком от тёти Зины попивал и гонял плоты по реке, и мордатый племян Санька в тельняшке с застиранными пятнами мазута, по-хозяйски покрикивая, расхаживал по гленим, отгоняя от плота мальчишек.

– Эй ты, жлоб, – крикнул я ему, подплывая к последней глене, и Санька побежал ко мне, бая: «Куда лезешь, паря!»

– Своих не узнаёшь?

– Хе, студент, – изумился тот, подавая руку. – Гулеванишь?

– Да вот, отдыхаю, – кивнул я на уплывающий пляж, где среди коричневых пацанов и белых мужчин и женщин лежала и моя, то ли Аня, то ли Таня, с которой я уже пару раз целовался и теперь считал своей «чувихой», и добавил: – Как бы к крале кто не подъехал... ,

– Хо, подцепил? Нашенская?

– Приезжая...

Я хлопнул его по плечу и нырнул «ласточкой», красиво и легко плывя против течения, зная, что весь пляж сейчас следит за мной, единственным человеком, не побоявшимся плотогона.

– А Галку видел?! – крикнул вслед Санька, и я махнул рукой: «На кой она мне», – но настроение почему-то испортилось и журчание Ани-Тани уже не радовало меня, я видел склонившуюся над корытом Галину в коротком халатике, её белые руки, прядь волос, мечущуюся вслед за движением рук, я видел её улыбку, глаза, слышал голос:

– Привет, Юра, на каникулы?

– Да уж, последний разочек в студенческой жизни....

– А у меня вот Костик приболел...

– Да? – только и сказал, а нужно было ещё что-то, я понял это слишком поздно, как и многое другое.

Что ещё предстоит запоздало понять?..

...Я верю, что это вполне может случиться со мной (ах, ну зачем же кривить душой, это могло случиться, так будет правильнее), когда я превращусь в любовь, когда понятия «мир», «жизнь», – сольются в одно-единственное – «любовь»... Я пытался описать это состояние, но всё, что выходило из-под пера, получалось тускло и совсем не так, как я ощущал, как грезил... Счастье было неуловимо, оно мерцало дальней звездой, огорчая и радуя дорогой к нему...

Что было в моей жизни, я знаю.

Что было в их жизни, я могу пересказать так, как слышал это от других, как писала мне мать, когда я просил её сообщить об одноклассниках и в перечне, мимоходом, вспоминал и её имя. Так, на каждом новом месте, где мне приходилось жить и работать, я получал короткие вести.

Савелов-старший утонул, пьяным ночью свалился с катера, а когда Санька его хватился, было поздно... нашли его через неделю за несколько километров от города.

Прохорюка его жена застала с тётей Мотей «на месте преступления», отчего тётя Мотя долго ходила «с исцарапанной рожей. А кобеля-то из милиции выгнали после этого, теперича в леспромхозе командует».

Савелов-младший «живёт хорошо, домину отгрохал гарную, да ещё одного пацана сооразил, Галька только малость подсохла, завертелась по хозяйству... А ты-то как, сыночку, когда ж-то я внуков погодую?..»

Что я мог ответить?

Отшучивался, ссылаясь на годы, пока не добили одинаковые материнские приписки и я не женился на Марии. Мы так и не успели с ней съездить на мою родину, через два года она забрала нашего Олега и уехала к своим. На развод подавал я сам, и два года, прожитые с ней, постарался забыть, хотя отношения между нами остались самыми дружескими, «интеллигентными». Я иногда навещал её и сына, познакомился с её новым мужем, гладким и умным адвокатом, тактично намекнувшим мне, что Олега хотел бы усыновить и в алиментах его жена не нуждается. Я не согласился отдать Олега, он был мой сын, и я его любил, а деньги стал переводить на сберкнижку, на его имя.

Больше мать не спрашивала о женитьбе, я тоже молчал и писать стал реже. На приглашения погостить отписывался, ссылаясь на занятость, но, устав от моей вымышленной жизни, всё чаще и чаще вспоминал Галину. Она приходила ко мне в снах, и тогда ночи были безжалостно коротки, я тосковал, грезил наяву, это было похоже на сумасшествие...

...Скоро засветится окнами дом, в котором я вырос. Скоро я переступлю его порог и меня встретят постаревшие стены и люди, в которых отразятся мои годы. А моя печаль будет разбита радостью, именно радостью, ею богата жизнь, именно ею живу я и чувствую себя сильным. Потому и решился приехать...

Нет, не лги самому себе, ведь ты идёшь сейчас за другим...

Я возвращаюсь.

Я возвращаюсь так, как когда-то хотел, уверенным и сильным.

Я несу в себе сожаление, что ещё я могу предложить отвергшей меня женщине?

Я знаю, что Савелов-младший давно уже спился, нигде не работает, и Галина растит сыновей одна, на свою скромную зарплату медицинской сестры.

Я поднимаю пыль, минуя светящиеся окна, вижу почерневший и всё-таки кажущийся новее остальных дом, громко стучу по крыльцу, открываю дверь...

Зачем я пришёл?..

...и вот уже я не я, а множество в единстве и единство во множестве... И дай вам Бог хотя бы раз в жизни раствориться в глазах любимой так, чтобы забыть себя. И тогда вы постигнете истину, в которой нет места корысти, зависти, мести, а есть лишь безмерная и вечная любовь, — это и будет счастье..

Заполярная история

1

Осип Давидович Гольштейн, уставший молчать на немые укоры жены и двух подрастающих и требующих всё больших средств дочек, противореча многовековым традициям своего народа, оставил музыкальную школу в подмосковном городке и пару недорослей, которым давал в свободное время уроки, и даже свою старенькую, доставшуюся в наследство от отца, а тому – от его отца, скрипку (правда, следует признать, что ещё один семейный инструмент – кларнет, с собой взял) завербовался на северную стройку и, вспомнив ещё одну семейную профессию, стал плотником.

И вот в этой, несвойственной для него роли, он и приехал на край света: к поросшей редкими низкорослыми деревьями скале, которая возвышалась над тундрой, усеянной блюдами болот и разрезанной студёной и быстрой рекой и её притоками. К его приезду здесь желтели и ещё сочно пахли смолой лишь контора будущей гигантской, как было принято в те времена, стройки и одноэтажный, ещё достраиваемый, единственный дом. Они стояли в окружении больших тёмно-зелёных воинских палаток, туго натянутых, засыпанных опилками до самых скатов крыш. В зимние полярные ночи они были не такими уютными, как ему показалось в день приезда – сентябрьский пасмурный, но вполне ещё тёплый по здешним меркам.

Этот отрезок своей жизни он начал отсчитывать один, благоразумно оставив и Софью Лазаревну, и Светочку с Розочкой в их маленькой подмосковной квартирке, отделив им сразу же по получении большую часть своих подъёмных и выслав почти всю свою первую зарплату, невиданную никогда прежде сумму, ибо работали они с утра до позднего вечера, отчего сам по себе получался заработок раз в пять больше его прежнего оклада преподавателя музыкальной школы. Да ещё почти столько же он получил как северную доплату. Совершенно ошалев от этой суммы, он хотел было сразу лететь обратно, чтобы порадовать Софочку и девочек, но вовремя одумался, отдал почти все деньги заведующей почтой, женщине серьёзной и строгой, которая тут же, при нём начала отстукивать текст на телеграфном аппарате, и Осип Давидович почти физически ощутил, как его деньги отправились в далёкий путь...

Когда летел сюда, он очень переживал, видя из самолета бескрайние, белоснежные, пустынные просторы, разделившие его и тех, кто был ему дорог. И успокоился лишь спустя два месяца, когда в разгар пятидесятиградусных морозов и активировок получил письмо, доставленное в один из редких лётных дней вертолётном из Норильска. В нём Софья Лазаревна столь же искренне, как и он, удивлялась полученной сумме и сообщала, что они с девочками готовы выехать хоть сейчас по его зову.

Ответить сразу он не смог, потому что читал письмо, будучи в тулупе, ватных штанах, держа руки с ним над печкой, обогревающей лишь метровое пространство вокруг себя и сбившихся в этом пространстве жильцов палатки. Тут же отправил ещё одну зарплату и попросил Елизавету Петровну (так звали заведующую почтой) приписать, что приезжать им сейчас, в разгар учёбы девочек, совсем ни к чему и правильнее будет сделать это летом.

Не стал объяснять ничего насчёт холода, сухой и вымороженной до безвкусыности картошки, серых макарон и тушёнки-составных его ежедневного меню, палаток, в которых жили и семейные (только начальник строительства со своей женой жили в конторе), цинги, которая к весне поразила почти всех. Как и того, что летом они должны будут построить восемь двухэтажек, где квартиры с удобствами (но до него, скорее всего, этим летом очередь не дойдёт и он останется жить в палатке), – посчитал, что время написать всё подробно ещё будет.

И ошибся, потому что после активировок пришлось навёрстывать отставание, и это навёрстывание растянулось на всё лето, и прихватило быстро нагретую новую осень и его девочкам пришлось вновь идти в старую школу: Светочке – в восьмой, а Розочке – в шестой; и Софье

Лазаревне пришлось лишь сожалеть о том, что они не смогут быть вместе. Но она сообщила, что, как он и велел, она купила себе и девочкам тёплые вещи и они прекрасно будут себя чувствовать среди снегов...

На самом деле, когда ещё через год они приехали осенью, с последним пароходом, вещи оказались тёплыми лишь для подмосковной зимы. Но это было не страшно, потому что у Осипа Давидовича теперь была своя двухкомнатная квартира в двухэтажном деревянном доме, выстроенном, можно сказать, его руками. Рядом с их домом полярной ночью зазывно светились огнями школа, тоже выстроенная с его участием, куда девочки пошли учиться. У Осипа Давидовича было уже достаточно денег, чтобы купить всем троим настоящие шубы и оленьи унты, и по зимней короткой улице посёлка они гуляли в выходные дни в любой мороз.

Надо сказать, что Осип Давидович до приезда семьи хоть и был на хорошем счету (переводник, не пьёт, не гуляет), но как-то жил незаметно. Теперь же не заметить его было просто невозможно. И не столько от того, что редко кто гулял по посёлку вот так, семейно, не оттого, что Софья Лазаревна была женщиной в самом соку (к тому же «новенькой», в ту осень никто из жён больше не приехал), а оттого, что нельзя было не заметить двух девочек, а точнее – юных девушек, ибо были они в том возрасте, когда все сомнения о половой принадлежности остаются в прошлом.

Молдаванин Николай (почти ровесник Осипа Давидовича, уже тридцать исполнилось), с которым тот подружился с первого дня, придя на новоселье, с присущей ему южной восторженностью похвалил и маму, и дочек, а потом стал гостем частым и надоедливым, не скрывал своей симпатии к Светлане и соблазнял её то походами на фильмы, которые крутили в палатке, названной клубом, то приглашал в гости в свою однокомнатную квартиру посмотреть фотографии, он давно и неплохо фотографировал. Этим летом по заказу ему привезли с материка кинокамеру, и он решил снять фильм о стройке и предложил Светлане сыграть в нём главную роль рассказчика.

Светлана откровенно кокетничала с ним, ей льстило внимание смуглого кудрявого взрослого мужчины, заливаясь колокольчиком и маня ямочками на щёчках, но ещё больше – томным масляным взглядом, перед которым не устоял даже первый школьный красавец Вовочка Сивков, уже переспавший с парой женщин, а оттого цинично-надменный и взрослый. Вовочка учился в том же классе (вернее, Светлана пришла в его класс, он приехал годом раньше), играл за сборную школы по баскетболу, играл хорошо – в Норильске, куда команда выезжала на соревнования, его заметили и даже предложили переехать в интернат со спортивным уклоном. Но родители решили, что аттестат важнее, пусть даже самый троешный и не обеспеченный знаниями (он не очень утруждал себя учёбой, отдавая предпочтение спортзалу), и спортивную карьеру ему обломали.

Но Вовочка особо не расстраивался, так как обнаружил массу плюсов своей известности вдобавок к приметной внешности, прежде всего на любовных фронтах, часто меняя девочек и даже вполне взрослых женщин из палатки – женского общежития.

Дочерей в школу первый раз привёл сам Осип Давидович, прежде зайдя в кабинет директрисы Риммы Васильевны. Они были знакомы. Римма Васильевна приехала с мужем, заместителем начальника строительства, прошлым летом, когда школа достраивалась, и часто бывала на стройке, торопя плотников закончить работы к учебному году. Её сын Виталий ходил в десятый класс, был длинным, как баскетболист Сивков, но отличался не только от него, но и от всех прочих мальчишек утончённой, породистой красотой (был похож на мать), отчего девочки-школьницы даже побаивались его, а взрослые женщины при встрече обязательно задерживали взгляд: свободных молодых людей среди инженерно-технических работников было немного, и Виталий верховодил немногочисленной группой пижонов-детей начальников. Пути Виталия и Вовочки не пересекались. Они мирно сосуществовали в стенах одной и той же школы, но в параллельных мирах.

Римма Васильевна новеньких оценила сразу и приватно, пока они шли по узкому коридору, сказала Осипу Давидовичу об их соблазнительной прелести, по-матерински посоветовав быть к дочерям внимательнее, и пожелала познакомиться с Софьей Лазаревой.

И вот, когда они и молоденькая физичка Любовь Васильевна стояли перед одиннадцатью девятиклассниками, Сивков, отвыкший таить своё отношение к противоположному полу и уважать окружающих, громко предложил новенькой садиться с ним рядом (его место было за последним столом возле окна). Светлана окинула его взглядом словно нечто неприметное, недостойное, необоснованно отвлекшее её, и села рядом с Игорьком, любимцем математички, сыном главного инженера строительства, тоже новеньким, пришедшим в класс всего неделю назад.

– Очкарик, тебе повезло, – не удержался Вовочка и добавил: – Но это ненадолго.

Игорёк ярко заалел и не нашёлся, что ответить, а Светлана повернулась, уставилась на Вовочку своими чудными глазами и тот, неожиданно для всех отвёл свой взгляд и стал смотреть в окно. Уже к концу дня Светлана чувствовала себя своей среди одноклассниц.

Розочку, которая от сестры отличалась разве что более мелкими формами, но в силу возраста ещё не могла стать предметом неприятностей, Римма Васильевна и Осип Давидович отвели в седьмой класс.

2

...В маленьком посёлке – что в большой семье: и углядеть за всеми вроде трудно, и все на виду. Скоро стало очевидно, что Осип Давидович – истинный семьянин, и Софочке несказанно повезло с мужем, как и ему с женой, потому что Софья Лазаревна была не только хороша формами и круглым чистым личиком (было в кого пойти девочкам), но и на удивление общительна. Она охотно откликнулась на предложение директрисы и совершенно бескорыстно на общественных началах организовала в школе что-то вроде ансамбля, добавив к имеющемуся школьному баяну собственный аккордеон, на котором играла виртуозно, скрипку Осипа Давидовича, которую они взяли с собой на Север. и под свою личную ответственность, после долгих ночных уговоров, кларнет мужа. «Софочка, – не соглашался Осип Давидович, – он знает только мои губы, понимаешь?.. Ты ведь тоже знаешь только меня, а я – тебя. Представь, если бы я приходил к тебе от другой женщины...» «Осинька, это просто музыкальный инструмент, его будут касаться губы чистых детей...» – возражала она и ласкала мужа непривычно откровенно, как никогда прежде, ни до, ни тем более после рождения девочек не делала... И это было главным аргументом, на который возразить Осип Давидович ничего не мог. И отказать тоже.

Естественно, что основой ансамбля стали девочки: Розочка уже вполне прилично играла на скрипке, а Светлана на всём понемногу, но предпочла на этот раз маленький, блестящий саксофон-альт; он выглядел примой среди остальных инструментов, и Римма Васильевна нисколько не жалела, что отдала инструмент в ансамбль, ибо Виталий давно уже забросил занятия, был совершенно равнодушен к музыке и кроме детских ученических пьесок так и не научился ничего более на нём выдувать.

Репетировали в самой большой классной комнате недалеко от спортзала, отчего часть его завсегдатаев постепенно переместилась в класс. Софья Лазаревна разрешала всем желающим попробовать понажимать, подудеть, побренчать, но явных талантов не обнаружила. Только Игорёк оказался более-менее способным, и Светлана тут же взяла над ним шефство, желая прикормить к тому, что нравилось ей. Но тот оказался неожиданно капризным и в конце-концов остановил свой выбор на гитаре, на которой уже пытался играть раньше.

Заглядывали в комнату и Виталий, и Вовка Сивков, но, как правило, задерживались, высказывая (никому конкретно и всем сразу) критические замечания лишь тогда, когда там была Светлана.

Естественно, разноликость инструментов не позволяла создать гармоничный коллектив, но Софья Лазаревна не хотела никого выгонять и стала формировать различные трио, квартеты, неожиданно для себя загораясь и находя в этом нечто новое, творческое.

Заглянул на репетицию и остался (оказывается, он прекрасно играл на баяне) молдаванин Николай. В школьном ансамбле, естественно, он играть не мог, но Софья Лазаревна решила, что в новогоднем концерте, который она теперь готовила, тот вполне может выступить сольно. Правда, Николай тоже старался не задерживаться, если уходила Светлана. Софья Лазаревна это видела, но была уверена, что всё в этом мире проходит, как прошла и её, некогда (как она считала) страстная любовь...

Иногда в выходной день Николай заходил в спортзал и присоединялся к той или иной баскетбольной команде, как правило, в одной играл Вовочка, в другой – Виталий. Играл он не очень хорошо, фалил часто и жёстко, его брали, когда не хватало игрока.

Если в спортзал заглядывала Светлана, игра становилась азартной, острой и превращалась в состязание, которое не уступало самым ответственным соревнованиям. Стоя у шведской стенки посередине зала, она наблюдала за игрой, подзадоривая то одного игрока, то другого и более всего поддерживая Николая. Но никогда ни слова не сказала по поводу игры Вовочки или Виталия.

С Виталием они здоровались при встречах и даже порой перебрасывались парой-другой фраз, а Вовочку она демонстративно не замечала и никак не реагировала на его реплики.

И всё-таки скоро вся школа знала, что Светка Гольштейнша нравится и сынку директрисы, и Сивкову, но что она, уже тёртая и мятая мужиками в прежней материковской жизни, предпочитает стариков, в основном брюнетов, броских, как молдаванин.

Эти слухи дошли, наконец, до Осипа Давидовича, и он, растерявшись, тут же поделился ими с Софьей Лазаревой.

– Софочка, почему говорят, что наша девочка потаскуха? – обострил он вопрос. – Она росла с тобой. Я её не узнаю...

– Успокойся, Ося, наши девочки становятся взрослыми... А эти разговоры – от зависти... Светочка многим нравится, и это хорошо... Неужели ты хотел, чтобы на неё никто не обращал внимания?

– Но почему говорят о каких-то мужчинах?

– А разве о тебе не говорили плохо? – вопросом ответила Софья Лазаревна, напомнив, что причиной его отъезда из подмосковного городка была не только бедность, но и несложившиеся отношения с директором школы. И неожиданно спросила: – А правда, она похожа на меня? – И в её глазах мелькнуло нечто, напомнившее Осипу Давидовичу уже, казалось, накрепко забытое прошлое, от которого когда-то так кружилась голова...

Он согласно кивнул и больше ни о чём спрашивать не стал. Но вечером, когда девочки после ужина ушли в свою комнату, он всё-таки вернулся к разговору.

– Софочка, я тебе верю и не буду больше никого слушать. Но мне бы не хотелось, чтобы наши имена трепали люди. Я же не закрою уши всем...

– Ося-я... – протянула Софья Лазаревна и, вздохнув, стала убирать посуду.

...Нельзя сказать, чтобы её не задевали сплетни о дочери. Но, с другой стороны, ей льстило, что её Светочка (а через неё и она сама) стали центром внимания посёлка. Перехватывая взгляды мальчиков и мужчин, адресованные дочери, она словно возвращалась в собственную юность, в которой не успела насладиться мужским вниманием, потому что в восемнадцать лет уже стояла под венцом, ещё по-настоящему не целованная, не ревновавшая, не плакавшая, с любопытством и ожиданием поглядывая на суженого, с которым дружила с тех пор, как помнила себя, и оттого брачная ночь, да и последующие до рождения Светочки, были обыденны и необходимы, а после рождения той и необходимость стала сомнительной. Наблюдая бурные объяснения соседей по коммуналке (комнату в ней молодожёнам оставила бабушка Оси), она

не понимала, отчего Варвара, жаря картошку на общей кухне, сквозь слёзы грозитя оторвать голову какой-то Надьке, присушившей её Мишку, а уже немолодая Зинаида Сергеевна, учительница ботаники, угождает похожему на подростка носатому сапожнику Ашоту... Но вот теперь, попадая ненароком в прострел взгляда Николая, она ощущала необъяснимую слабость: хотелось прислониться к нему, положить голову на густо поросшую чёрными колечками волос грудь (она видела это в спортзале) и закрыть глаза...

Иногда по ночам, когда Ося осторожно раздвигал её ноги и проникал внутрь, она представляла, что дышит именно в эту с чёрными колечками грудь, и тогда, незаметно для себя, крепче прижимала Осю, сожалея, что не может вобрать в себя его всего...

Осип Давидович уже был бригадиром, у него прибавилось забот, а оттого он стал раздражительным и менее внимательным. Заботы заслонили собой всё остальное: теперь он уже не реагировал на сплетни о его дочерях. Правда, и слухов поубавилось – морозной заполярной ночью все торопились в домашнее тепло...

3

Предновогодняя суэта завершилась праздничным концертом. Основой его было выступление школьного ансамбля, созданного Софьей Лазаревой, но смогли показать способности и все желающие. Особенно понравилась всем игра самой Софьи Лазаревны на аккордеоне, и Игорька, исполнившего жалостливую песню под гитарные переборы, а также соло Николая на баяне и Осипа Давидовича на кларнете (его вызвали прямо из зала по настоянию Риммы Васильевны). Но более всего аплодисментов и криков «бис» выпало квартету (в нём играла Светлана), исполнившему несколько популярных мелодий, в том числе из репертуара известной английской группы «Битлз».

Потом был новогодний вечер, на котором взрослые и младшие школьники задержались недолго, лишь старшеклассникам было позволено встретить полночь в школе и даже выпить по бокалу шампанского (хотя у всех уже было запасено всё, что нужно) за празднично накрытыми столами, расставленными в спортзале. Перед уходом Осип Давидович отвальсировал с Розочкой, а Николай – со Светланой, раскрасневшейся, заразительно хохочущей, сверкающей от разноцветного конфетти и непостижимо притягательной – это отметили и Виталий, вальяжно, не вставая из-за стола, наблюдавший за парами, и Вовочка, танцевавший с молоденькими учительницами.

Потом старшеклассники остались одни, под наблюдением дежурных учителей, и мальчишки, естественно, нашли время и место, чтобы добавить к бокалу шампанского стакан вина и оттого стали шумными и приставучими, и многие парочки сразу куда-то исчезли. Но Светлана никуда не уходила и даже не садилась за стол, танцуя с каждым, кто её приглашал, начиная с Игорька и заканчивая физруком Гариком – мастером спорта по классической борьбе и главным ответственным за порядок на этом вечере. С Гариком танцевать ей понравилось, потому что он так крепко держал её за талию, что она просто порхала над полом.

И уже полночь, за несколько минут до окончания вечера, на предпоследний танец Светлану пригласил Виталий. Она помедлила, словно раздумывая, но потом положила руки ему на плечи и стало видно, что это удивительно гармоничная пара. Они не разговаривали во время танца, но все видели, как стремились друг к другу их тела...

На завершающий белый танец они не остались...

Кто избил Виталия, когда тот шёл домой, проводив Светлану, так выяснить и не удалось. По его словам, его сильно ударили сзади, а потом, уже лежащего, били в лицо ногами. Ему показалось, что это был высокий человек. Во всяком случае (и в этом он был уверен), ботинки были не меньше сорок третьего размера. Ещё он видел спину уходящего, в чёрном полушубке, но в таких ходило почти полпосёлка, в том числе, и Осип Давидович, и Николай, и Сивков (их

много завезли осенью, разных размеров, и они понравились мужчинам). Опять же и высоких мужчин, таких, как Николай и Вовочка-баскетболист да и тот же Виталий, было немало.

На всякий случай единственный на посёлок участковый милиционер опросил Николая и Сивкова. Первый в это время был, по его уверениям, дома (вернулся от Гольштейнов, где засиделся в гостях). Второй заявил, что ночевал у женщины, но у кого конкретно, назвать отказался наотрез.

4

...Виталий провалялся дома почти всю посленовогоднюю неделю. Софья Лазаревна навестила его. (Светлана сослалась на занятость и попросила передать от неё пожелание быстрее выздоровления). Они посидели с Риммой Васильевной на уютной кухне, попили индийского чаю с болгарским конфитюром и по-матерински обсудили отношения своих детей, сойдясь на том, что ни в коем случае нельзя вмешиваться в эти отношения, прекрасно отдавая себе отчёт, какой трепетной и уязвимой бывает первая любовь.

Правда, Софья Лазаревна рассуждала чисто теоретически, а Римма Васильевна вспомнила свою первую любовь в далёкой и сказочной Одессе, бронзового от загара юношу – спасателя на пляже. С ним она встретила немало южных рассветов, но, увы, жизнь развела их, – он так и остался спасателем, постепенно утратив мускулистость и привлекательность под воздействием ежевечерних возлияний и обслуживания отдыхающих дамочек. Она же, закончив институт, встретила своего нынешнего мужа и начала ездить по стране (он переезжал со стройки на стройку), всё отдаляясь и отдаляясь от знойного прошлого. Но, приезжая в Одессу «в отпусках», обязательно приходила на пляж и наблюдала за деградацией своего бывшего кумира.

Обе повздыхали по поводу быстротечности и жестокой необратимости времени и расстались почти подругами...

После зимних каникул, которые Светлана провела большей частью либо дома, валяясь в постели с книгой, либо с Николаем, он всё-таки уговорил её сниматься в фильме, они с Виталием встретились так же, как и прежде, лишь сухо поздоровавшись. Зато радостной и многообещающей оказалась встреча с физруком Гариком, который за эти дни пришёл к мысли открыть спортивную секцию специально для девочек по неведомой им борьбе дзю-до, которой он, оказывается, увлекался.

– Раз уж у нас появились хулиганы, они начнут приставать прежде всего к симпатичным девочкам, – внушал он, подразумевая нападение на Виталия. – Значит, необходимо что? – и, выждав многозначительную паузу, поднял мускулистый кулак: – Уметь дать отпор...

Кроме Светланы он убедил записаться в новую секцию ещё трёх девочек. Облепившим стенку зала на первом занятии мальчишкам он заявил, что дзю-до – это исключительно женская борьба, тем самым отбив у них всякий интерес, и превратил секцию в клуб для исключительно симпатичных старшеклассниц. И действительно, все девчонки, кого он принимал в секцию, были не по-борцовски стройны и привлекательны.

Неведомо как, но уже к третьему занятию он умудрился достать специальные куртки, и от теоретических объяснений и демонстрационных показов приёмов перешёл непосредственно к борьбе.

Сначала Светлане борьба, а главное, ощущение собственной значимости и открывающихся в перспективе возможностей, понравилась, но спустя месяц ей стало скучно таскать других за грудки и бросать на маты, и она начала пропускать занятия. Несколько раз Гарик разыскивал её на уроках и делал внушение, но потом увлёкся Дианой, белокурой восьмиклассницей, подающей большие надежды, и о Светлане забыл.

Вовочка продолжал большую часть времени проводить под баскетбольной корзиной. Виталий увлёкся пинг-понгом – теннисный стол стоял в фойе управления строительства, итэ-эровцы разминались здесь во время обеденного перерыва – и после уроков вместе со своей

командой, в которую вошёл и Игорёк, уходил туда. Светлана стала ходить в кружок по моделированию одежды, решила к весне сама придумать себе платье, который вела классный руководитель физичка Любовь Васильевна.

Пришла весна, после долгой полярной ночи стало появляться солнце, на улице потеплело. Рядом со школой расчистили площадку, залили водой и получился каток. Идея эта пришла в голову кому-то из управленцев, поэтому к открытию катка в будке, сооружённой здесь же за один день, появились и коньки, которые выдавались всем желающим напрокат бесплатно. Коньки были двух видов: «канадки» и «ножи», правда, последних было всего несколько пар. Теперь все старшеклассники, включая Сивкова, на время забыли свои привычные увлечения и стали завсегдатаями ледяного поля. Светлана и Розочка тоже отвоевали себе по паре «канадок» и пропадали допоздна, до полного замерзания, поражая всех своим умением кататься и с разворотами, и с разными фигурами. Сказался опыт многих подмосковных зим, проведённых на площадке в их дворе, которая каждой зимой превращалась в каток.

Бакетболистам лёд давался труднее, – Сивков с родителями приехал на эту стройку из знойной и пустынной казахской степи (там рыли канал), коньки увидел впервые и забавно разъезжался, раскидывая длинные ноги и беспомощно цепляясь за каждого мало-мальски стоящего на коньках, включая Розочку. Виталий, приехавший с такой же северной, только западнее, стройки, катался вполне прилично и с каждым днём его траектория и траектория Светланы становились всё ближе и ближе; наконец, мартовским субботним вечером она опять вскинула руки ему на плечи и они, пусть не совсем как настоящие фигуристы, но очень уверенно, сделали несколько танцевальных «па», вынуждая катающихся освободить центр и стать на время зрителями. Только Сивков, так и не постигший за эти дни науку стояния на коньках, не успел откатиться и мелькал третьим лишним в ярком свете мощных прожекторов.

Всё это хорошо было видно на киноплёнке, когда Николай проявил её – он тоже приходил на каток, но коньки даже не надевал, а предпочитал наблюдать за катающимися через объектив кинокамеры. На ней же, если остановить кадр, можно было разглядеть, что Виталий касается губами упругой щёчки Светланы.

Но тогда ещё плёнка не была проявлена и, естественно, никто ничего не мог разглядеть. Поэтому никто не связал с этим нелепое и необъяснимое падение бревна со второго этажа недостроенного дома, мимо которого возвращался в тот вечер домой Виталий. По счастливой случайности (Виталий чуть раньше споткнулся и, поскользнувшись, упал назад), бревно лишь одним концом задело его плечо, оставив внушительных размеров синяк. Но Римма Васильевна не поверила в случайность и долго выясняла у Осипа Давидовича (его бригада строила этот дом), где лежало бревно, и пришла к выводу, что само по себе оно никак не могло упасть, потому что и Осип Давидович, и все в бригаде в один голос заявили, что бревно лежало внизу, на сходнях и могло воспарить на второй этаж разве что с помощью чуда...

Участковый Галушко, тридцатилетний дебелый и добродушный хохол, выслушав предположения Риммы Васильевны, опросил ребят, бывших на катке, включая и Сивкова, и даже попросил Николая проявить плёнку, отчего тому пришлось форсированно доснимать оставшийся метраж незначимыми кадрами. Вот тогда Галушко первым и разглядел, что Виталий поцеловал Светлану. Это не приоткрыло тайны падения бревна, но придало всей истории явно пикантный характер. Правда, от этого более всего болела голова участкового, ибо в его отчётности дело осталось как нераскрытое и портило показатели, напоминая Галушко о самонадеянной глупости, по которой он в своё время это дело завёл. Тогда показалось, что он быстро его раскрутит. И действительно, он догадался, кто сбросил бревно на Виталия, но догадку к делу не пришьёшь, а кроме неё никаких доказательств у Галушко не было.

Юность динамична и непостоянна, она жаждет новизны и полноты чувств. Весной это желание становится стихийным бедствием. Пришло время, когда даже Светлана, вполне удовлетворённая прежде лишь знанием, что у неё хватает почитателей, ощутила потребность в присутствии верного рыцаря подле. Почему она избрала Игорька, можно, конечно, догадаться: легче всего управлять человеком, который тебя боготворит. Он простит то, что не простят даже самые близкие люди. Он совершенно бескорыстен, готов служить за мимоходом брошенный взгляд... Она стала таскать Игорька за собой в управление, где пыталась научиться играть в пинг-понг (у Игоря это получалось гораздо лучше), на вечерние киносеансы в только что выстроенный клуб, на концерты заезжих гастролёров, которые словно только и ждали известия о сдаче длинного и вместительного здания, чтобы стать в очередь со своими блестящими инструментами и яркими нарядами, дабы развлекать состоятельных и заскучавших полярной ночью строителей, и просто гуляя по короткой поселковой улице среди высоких снежных стен и таких же взбудораженных весною пар. Иногда к ним присоединялась и Розочка, которая уже не выглядела мелкой и вполне удачно оттягивала на себя взгляды, предназначавшиеся прежде исключительно старшей сестре. Тогда прогулка становилась шумной, с бросанием снежков, толканием, визгом, скольжением по накатанным дорожкам и столкновениями с другими парами.

Ни Виталий, ни Сивков на подобные променады не выходили, считая это занятием для мелюзги, и если и сталкивались с гуляющей Светланой, то лишь совершенно случайно, на ходу, между своими обязательными и важными делами, а оттого довольно стремительно и грубовато толкали Светлану в ближайший сугроб и тут же великодушно протягивали руку. Но она подачек не принимала и подзывала верного Игорька, с помощью которого стряхивала с себя снег, провожая взглядом прищуренных глаз обидчиков, которые удаляясь, обязательно хотя бы раз оборачивались.

Но вот на концерты и тот, и другой обязательно ходили и почему-то всегда оказывались если не на следующем за компанией Светланы ряду, то где-нибудь в пределах видимости. Виталий, как правило, в окружении своих преданных оруженосцев, а Сивков нередко с женщинами явно не школьного возраста, с которыми вёл себя довольно развязно: в ходе концерта мог обнять подругу за плечи или, не очень-то таясь, поцеловать.

...Наконец наступило восьмое марта. День выдался вполне весенний: чуть ниже минус десяти, сыпал неторопливый снежок – праздничный вечер должен был получиться хорошим. Во всяком случае, Римма Васильевна в этом была убеждена, просмотрев репетицию номеров и заразив своим убеждением волнуемую Софью Лазаревну, которая готовила программу.

На этот раз она решила провести вечер в форме «Голубого огонька». Как на Новый год, были накрыты столы, но на этот раз шампанское заменили разнообразными морсами из варенья. Зато печёного было великое множество: каждая старшеклассница приготовила своё кулинарное изделие – конкурс был в программе вечера. Кто именно и что испёк, знали только Любовь Васильевна и Римма Васильевна. Претендентки на звание лучшей молодой хозяйки для всех остальных значились под номерами, и определить эту лучшую должны были мальчики.

Такой сценарий не предполагал сидения перед сценой, и учителя вынуждены были отказаться от идеи пригласить родителей (тогда явно не хватило бы места), но Николая пригласили, попросив его увековечить вечер как оригинальную форму воспитательной работы. Римма Васильевна сама приобрела киноплёнку и обещала оплатить его работу.

Вечер начался чуть позже назначенного времени – девочки долго переодевались в классы. Но когда, наконец, они вереницей стали входить в спортзал, их встретил нескрываемый восторженный гул: мальчики, тоже все в костюмах, не узнавали своих одноклассниц в лёгких, порой почти прозрачных, ярких, необычной формы весенних нарядах. В этом пёстром и возбуждающем многообразии Светлана выделялась нетрадиционно длинным, до самого

пола, сиреневым платьем с глубоким декольте. Именно это декольте было главной деталью её костюма и элементом, кардинально отличающим её платье от остальных. Римма Васильевна бросила взгляд на Софью Лазаревну: знала ли та о подобном решении дочери? По удивлённому и одновременно испуганному взгляду той поняла: нет, не знала...

Светлана прошла к своему столику, за которым, помимо преданного Игорька, сидела кухня Сивкова Альбина – крупная и мужиковатая, приехавшая пару недель назад из Казахстана, и Тима Ушаков, молчаливый и безликий увалень из Запорожья, которого Альбина сразу определила своим ухажёром. Тот не смог устоять под её напором и теперь послушно исполнял все её прихоти. И Игорёк, и Тима не могли оторвать глаз от глубокого выреза, но Альбина вернула их в реальность.

– Что, мальчики купола твои первый раз видят? – довольно громко спросила она.

– Купола? – вопросительно-непонимающе произнесла Светлана и, отходя от медленно и неохотно опускающих её взглядов, догадалась: – Ты имеешь в виду... – Красивым пальчиком она провела по кромке платья, касаясь одновременно и белой кожи, и сиреневой ткани, тем самым возвращая мальчишечьи взгляды. – Ах, это... – Перехватила откровенный взгляд Вовочки и, наклонившись к Альбине, негромко произнесла: – А вот братцу передай, пусть не паянется напрасно...

– Я передатчиком не работаю, – буркнула та и шумно отпила морса.

Римма Васильевна, спасая положение, вышла на середину зала, сказала о женской красоте как эталоне прекрасного в этом мире, не преминув вспомнить картины великих художников с обнажёнными фигурами. И это вступление, и последующие художественные номера Николай отснял полностью, большей частью стоя рядом со Светланой, отчего её и сидящих невдалеке раздражало жужжание камеры, а когда менял ракурс, всегда в кадр попадала Светлана. На плёнке было видно, как она поглядывала в сторону Виталия и бросала взгляды на Сивкова. На плёнке же было видно, как ближе к концу первой части вечера Светлана вышла из зала, а следом за ней вышел Сивков, а до этого Виталий и ещё несколько девчонок и мальчишек. На этом фильм обрывался, потому что в коридоре раздался жуткий визг, все ринулись к выходу и увидели Светлану, прижавшуюся к стене со вскинутыми к лицу руками, но первой была Римма Васильевна, поэтому никто не видел Светлану обнажённой. Она закрыла ученицу своим телом, потом её сменила Софья Лазаревна, а директрисса вернула всех в зал и приказала сворачивать вечер.

6

Кто разорвал ей платье, Светлана не сказала.

Сивков не отказывался, но и не признавался. Он молча стоял на педсовете и никак не реагировал на предложение его исключить. Лишь это его необъяснимое упрямство и столь же упорное молчание Светланы спасли его, официально было принято объяснение Светланы, что она сама нечаянно порвала платье, за что-то зацепившись...

На следующий день Сивкова жестоко избили. Он попал в больницу с сильным сотрясением головного мозга, серьёзными ушибами грудной клетки, и первое время врачи боялись, что из-за этих ушибов может начаться воспалительный процесс. На него напали возле дома, когда он возвращался с вечерней тренировки. Сивков не помнил, как и кто, потому что первый удар был по голове чем-то тяжёлым, он сразу потерял сознание. Если бы не Альбина, возвращавшаяся в это время из кино, он вполне мог замёрзнуть, потому что к ночи ударил отнюдь не мартовский, под тридцать градусов, мороз.

Галушко, закончив допрос потерпевшего, лишь вздохнул и обречённо захлопнул папку. На его взгляд, в школе сложилась недопустимая ситуация, но никаких догадок он излагать права не имел и потому лишь письменно уведомил директора школы о необходимости повысить уровень воспитательной работы.

После случившегося Светлана стала меньше улыбаться, не так часто подшучивала над Игорьком. При встречах с Виталием она, как и прежде, сухо кивала в ответ, но зато с большой охотой теперь снималась в фильме Николая. Софья Лазаревна, как ни добивалась, так ничего и не узнала и, наконец, отстала от дочери, интуитивно почувствовав, что они могут серьёзно рассориться. Осипу Давидовичу она поначалу хотела рассказать, что произошло, но у того начался аврал на работе, он приходил только отоспаться, и реагировать на домашние проблемы у него не было ни времени, ни сил.

Сивков вышел из больницы почти через месяц, сразу же уехал на сборы, затем на соревнования в Норильск и Дудинку и к концу учебного года пошли слухи, что всё-таки он переедет в интернат, потому что ему предложили заняться спортом всерьёз...

Подкатило календарное лето, оно же – заполярная весна: солнце перестало уходить за горизонт, светлых ночей хватало на самые долгие прогулки по берегам реки, скалам над порогом и даже в тундру, где можно было на уже бесснежных пригорках без оглядки на взрослых расчечь костёр, пожарить колбасы, даже вина выпить, но главное, – объясниться в любви (если было с кем) и нацеловаться. Только десятиклассникам это было недоступно – они готовились к выпускным экзаменам.

Светлана тоже не стремилась в тундру, один раз она сходила с одноклассниками и даже позволила Игорьку поцеловать себя в мочку уха, но захмелевшие мальчишки ей не понравились. Также как обугленная колбаса и кислое вино.

Но и с Николаем гулять по посёлку скоро надоело: к своему изображению на белом полотне она уже привыкла, к тому же экранная Светлана ей не всегда нравилась. Кроме того, стали неприятны навязчивые ухаживания Николая, который постоянно старался её поддержать за талию, поясницу (а зачастую и ниже), приобнять, защищая от холода, или прижать к себе, когда она перепрыгивала ручейки. А ещё при встрече знакомые окидывали их многозначительными и всезнающими взглядами, от которых хотелось куда-нибудь спрятаться...

Осип Давидович теперь работал почти круглосуточно, отводя на сон не более пяти часов, летом ожидали большой заезд завербованных и срочно строили несколько общежитий, и пару раз Светлана с Николаем, уже за полночь, заходили к нему. Пили крепкий чай и Николай снимал на фотокамеру, как работают плотники. После этих визитов ни Осип Давидович, ни Софья Лазаревна не стали больше допытываться у Светланы, где она бывает вечерами.

Несколько раз они встречали Виталия. Тот останавливался поболтать и покурить (он уже курил, не таясь), занятой и отстранённый от всего, что не касалось экзаменов (он шёл на медаль), но каждый раз их взгляды обязательно встречались. После этого на Светлану наваливалась необъяснимая тоска и она спешила домой.

Однажды она вышла гулять с Розочкиной компанией, но среди мелкотни ей было совсем неинтересно, и Светлана перестала гулять совсем, увлечшись чтением, Софья Лазаревна приносила ей книги из библиотеки Риммы Васильевны. Потом несколько дней готовилась к последнему звонку, сочиняя к платью (скромному, закрытому) планочки и рюшечки, хотя можно было не очень-то стараться, всё внимание, естественно, было обращено на десятиклассников (первый выпуск школы: четыре девчонки и четыре парня) и на Виталия как несомненно лучшего выпускника среди них. Он, кстати, был и самым симпатичным. Никто не заметил её придумки, только Римма Васильевна отметила её вкус. Поинтересовалась, как она планирует провести лето и поделилась заботами, связанными с поступлением Виталия либо в МГУ, либо в Бауманское. Пока ещё до конца было не решено, но очевидно, что и там, и там придётся пройти большой конкурс даже среди медалистов, а для этого нужно будет очень хорошо подготовиться, и никакого отдыха в этом году не получится ни у него, ни у неё. Но когда Виталий поступит, они постараются хоть на недельку съездить на море...

Светлана покивала и повздыхала, поглядывая на Виталия, уже явно ощущающего себя студентом и не замечающего никого вокруг, и сказала, что вполне возможно, они тоже поедут

на море, потому что у папы под Одессой живёт брат и родители, когда она была совсем маленькой, ездили к нему .

– Боже мой, Светочка, у вас родня в Одессе? – всплеснула руками Римма Васильевна. – Но почему мама мне ничего не говорила!.. Это так замечательно, мы вполне можем там встретиться... Я оставлю маме свой адрес... – И она окинула её оценивающим взглядом, словно примеряя к будущему статусу Виталия, и не очень уверенно добавила: – Мы могли бы прекрасно провести время... Конечно, это не точно, может, нам придётся отдохнуть в Подмосковье...

– Мы тоже ещё не определились, – торопливо произнесла Светлана. – Мне хочется съездить домой. Встретиться с подругами...

– Да, конечно, ты ведь скучаешь по подружкам, – утверждающе произнесла Римма Васильевна, глядя мимо неё и, уже отходя, закончила: – Но всё же на море было бы полезнее...

– Несомненно...

Но Римма Васильевна уже не слышала, да и Светлана ответила просто из вежливости, глядя на подходившего к ней Сивкова. За время, пока она его не видела, в нём что-то изменилось. Может быть, во взгляде поубавилось наглости...

– Привет, – сказал Вовочка, и в его голосе, как и прежде, прозвучала интонация уверенного в себе покорителя женских сердец. – Становишься всё соблазнительнее... – И видя, как сузились глаза Светланы, торопливо добавил: – Ладно, не напрягайся... Если что не так, извини... – И после паузы, глядя в её удивлённое лицо, закончил: – Зря ты только ломаешься, лучше меня тебе не найти... Вот скоро в команде с мастерами буду играть...

И бросил вслед уходящей Светлане:

– А твоего Виталия обломаю... Если уехать не успеет...

Она круто развернулась, подошла к нему вплотную и, глядя снизу вверх, отчеканила:

– Он не мой, а я ничья... А ты мне не нравишься...

– Постой, – Сивков схватил её за локоть. – Давай хоть раз поговорим...

– Не о чем, – она резко выдернула руку.

Морщась от боли, оставшейся после его пальцев, почти бегом поднялась на школьное крыльцо, на котором появилась потерявшая её Софья Лазаревна...

Римма Васильевна поговорила с Софьей Лазаревной, расспросила о родственниках под Одессой, продиктовала свой адрес и настоятельно порекомендовала позвонить, если они всё-таки надумают поехать на море. Этот разговор ускорил семейный совет, на котором было решено, что девочкам целесообразно съездить отдохнуть. На этом настоял Осип Давидович. Сам он в этом году из-за дел оставался без отпуска, отложив его на следующий год (тогда отпуск будет длинным, на всё лето, и он отдохнёт по-настоящему), а Сонечке настоятельно советовал заехать на пару дней домой, проверить, как там ведут себя квартиранты, а потом смело ехать к Гоше, который примет их, без сомнения, с радостью. При этих словах Софья Лазаревна опустила глаза, она не была в этом уверена. Сказал, что даст телеграмму и деньги на хорошие подарки брату и его семье и они прекрасно отдохнут, поедят фруктов, загорят... Розочка, в восторге от такой перспективы, хлопала в ладоши и повторяла: «Поехали мам, поехали...», а Светлана сказала, что её устроит любой вариант, даже если они никуда не поедут.

Большинством голосов было решено: пока есть время (Софья Лазаревна работала до конца июня), написать письмо Гоше и уточнить, насколько возможен их приезд. К тому же появился ещё один вариант летнего отдыха – Николай убедительно приглашал съездить в гости на его родину, обещая увлекательные походы по лесистым горам, незабываемые вечера на тёплых реках, самые лучшие молдавские кушанья и самое лучшее вино. Он брал на себя расходы по проезду от Москвы в его деревню и обратно, найдя в Розочке активную сторонницу, выбившую у Софьи Лазаревны уклончивое согласие на (может быть) двухдневный заезд, чтобы взглянуть на родные места Николая.

7

Наконец, пришло первое тепло.

Розочка целыми днями пропадала на улице, Светлана – в постели с очередным романом, выходя прогуляться только под вечер. Тем не менее, она была в курсе всех школьных новостей, прежде всего, благодаря Розочке, и знала, что Сивков уехал на сборы в Красноярск, а Виталий сдал первые два экзамена на пятёрки; что Игорёк с мамой улетел отдыхать в Сочи, а Альбина загуляла со взрослым парнем, шофёром, и они, не таясь, обнимаются везде, где только бывают.

В свои нечастые прогулки Светлана неизменно встречала Николая, который всегда оказывался свободным и охотно составлял ей компанию. Но его готовность услужить начала раздражать, а присутствие – тяготить. И наконец, накануне последнего экзамена у десятиклассников, она всё ему высказала.

Они стояли над порогом, внизу вздымались и угрожающе рокотали пенные валы, из ущелья тянуло холодом, и она говорила, глядя на этот бурлящий поток, что он ей совсем не интересен и гулять с ним ей не хочется и самое разумное, чтобы они остались друзьями, хотя бы на какое-то время, на это лето, перестать видеть друг друга. И что она к нему относится, как к старшему брату...

– Прекрати, – оборвал её Николай.

Подняв глаза, она увидела, как изменилось его лицо: в глазах появилась не виданная никогда прежде жёсткость.

– Ничего больше не говори. Мне давно нужно было тебе сказать, что я не хочу быть твоим братом. Да, у нас разница в возрасте, но это неважно, всё равно никто никогда не будет тебя любить так, как я... Хочешь, я понесу тебя на руках отсюда и...

– Нет, не хочу, – перебила она. – И больше никаких признаний, иначе мы плохо расстанемся...

– У меня были женщины, но когда я увидел тебя, я понял, ты – моя судьба...

– Молчи...

– Послушай, – Николай резко развернул её за плечи.

Она поморщилась от боли, попыталась сбросить его руки, но не смогла,

– Кто обидел тебя тогда, на вечере?... Кто разорвал платье, скажи, я убью его...

Светлана посмотрела на его перекошенное ненавистью лицо. Ей стало страшно, и она негромко произнесла:

– Хорошо, хорошо, скажу... Но не сейчас. Дай мне время...

– Я дам тебе время... Сколько угодно, только ты не должна ни с кем... Я подожду, когда ты подрастёшь... Я умею ждать... Я увезу тебя. Никто не посмеет тебя никогда обидеть... Ты должна это знать...

Николай впился в её губы, и она не могла ни вырваться, ни избавиться от его бесжалостных губ. Лишь когда он отклонился, задыхаясь, закричала:

– Пусти!

И побежала, спотыкаясь на мшистых камнях, ожесточённо стирая ладонью с губ неприятный поцелуй.

Николай нагнал, попытался остановить, она оттолкнула его, он пошёл рядом.

– Тебе будет хорошо со мной, я буду носить тебя на руках... Ты сейчас это не понимаешь...

Она убегала от него, но он всё время догонял и говорил, говорил... И только захлопнувшаяся дверь подъезда прервала этот сумбурный монолог...

Было уже полночь, но Розочка и Софья Лазаревна не спали. Они сидели на кухне, попивая чай с малиновым джемом, строили планы на уже близкий отдых, в котором реально просматривалась и поездка в деревню Николая. Светлана прервала их фантазии, срывающимся голосом заявив, что либо она, либо Николай, но, встретившись с настороженно-участливым

взглядом Софьи Лазаревны, бессильно опустилась на табурет, разревелась, и, хотя совсем не собиралась, вдруг рассказала всё-всё, за исключением поцелуя, к концу рассказа всё более успокаиваясь и под восторженно-завистливым взглядом Розочки всё менее трагично относясь к происшедшему.

Как только она закончила, Розочка сорвалась с места, сбегала в комнату, из окна которой была видна улица, и вернувшись, доложила, что «он ещё здесь».

– Боже мой, боже мой... – повторяла Софья Лазаревна, огорчённая, растерянная и обиженная одновременно и за дочь, и за себя. – Такой приличный на вид, такой воспитанный...

– Мама, не говори глупостей, – вмешалась Розочка. – Он ведь так её любит! – Сестра закатила глаза, вскинула руки. – Как в кино... Светка, ты дура... Пусть бы он нёс тебя на руках... Представляешь, через весь посёлок... Все бы попадали от зависти...

– Роза! – прикрикнула Софья Лазаревна. – Ты ещё ничего не понимаешь...

– Конечно, – надула та ярко-красные пухлые губки. – Вот если бы мне кто-нибудь...

– Роза, – повторила Софья Лазаревна и повернулась к Светлане. – Конечно, мы к нему не поедem... Я поговорю с отцом...

– Не надо, – перебила Светлана. – И не вздумайте никому ничего говорить. – Окинула долгим взглядом Розу. Та, помедлив, кивнула. – Я сама потом разберусь... После каникул...

– Ладно, давайте спать, – скомандовала Софья Лазаревна.

Пока девочки готовились ко сну, она выглянула в окно, но Николая уже не было, только на видневшейся за школой стройке сновали тёмные фигуры. Стоя у окна, она скинула халат, бельё, не торопясь прятаться от, может быть, притаившихся взглядов, потом с ночной рубашкой в руках прошла в спальню, Осип Давидович крепко спал, откатившись к стене и негромко посапывая и, присев на кровать, неторопливо надела рубашку. Вздохнув, легла на свою сторону, не спеша прижиматься к спине мужа и думая о Николае, чувствуя необъяснимую обиду и воображая его мускулистые руки и широкую грудь, густо поросшие чёрными волосами...

8

Следующая неделя пролетела в заботах, суеде и была переполнена новостями, среди которых главной было окончание экзаменационной страды и выпускной вечер, после которого все первые восемь выпускников школы чинно прошествовали по главной улице посёлка встречать рассвет незаходящего солнца над порогом. Об этом рассказывали потом малыши, тайно наблюдавшие за ними. Но не осталось незамеченным и стремительное исчезновение Виталия, улетевшего с Риммой Васильевной грузовым бортом напрямую в Москву.

Наконец, было начало их отдыха: сначала в трясущемся «кукурузнике», доставившем их в Норильск, а оттуда на мощном ИЛе в Домодедово, где они ошалели от яркой зелени и парного тепла – в Норильске было около десяти градусов и холодный дождь, а здесь почти тридцать. Знакомая до умиления электричка и – уже на исходе настоящей тёмной ночи, отмечая зарождение утренней зари, они втроём шли по улице к своему дому. Подниматься не стали, не хотели будить квартирантов, а дождались полного рассвета на скамеечке во дворе, наслаждаясь летними запахами, тишиной, а чуть позже, когда потревожили жильцов – струями тёплого душа и звуками уже набравшего привычный темп городского утра.

Квартиранты их явно не ждали, но делали вид, что безумно рады встрече, и торопились извиниться за ободранные обои, подтекающий кран на кухне, грязный унитаз, ссылаясь на только-только наметившийся ремонт («в эти выходные собирались как раз начать»), на что Софья Лазаревна кивала, не веря, но добиваясь обещания всё исправить и грозясь обязательно заглянуть на обратном пути с моря (Георгий, брат мужа, ждал их, сообщив, что возьмёт за пансион, естественно, по-родственному, по-божески).

Светлана и Розочка, взбодрившись после душа и кофе, ушли проведать подруг, пришли к обеду шокированные новостями: одна Светкина одноклассница уже жила с курсантом милицкого вуза, другая бросила школу и непонятно чем занималась в Москве.

– И такие зануды, – рассказывала Светлана, презрительно складывая губки.

– Они старые стали, – не удержалась и вставила Розочка, прожёвывая бутерброд.

– Своих обсуждай, – парировала Светлана.

– А что мои, только про мальчиков думают...

– Хватит, – прервала перебранку Софья Лазаревна. – Нечего за глаза говорить... Я позволила дяде Гоше, сказала, что завтра вылетаем. С утра ещё нужно будет подарки купить...

Она не сдержалась, тяжело вздохнула, выразив этим своё отношение не только к тому, что происходит, но и к запущенной чужими людьми квартире, размышляя, какую из бед следует считать меньшей, эту или же доступные для воров безлюдные комнаты...

Об размышляла ещё долго, но так и не пришла ни к какому решению и на прощание твёрдо заявила квартирантам, что если всё останется по-прежнему и на обратном пути, им придётся освободить квартиру.

Неприятный осадок от этого разговора оставался до самой встречи с Гошей и его просмолённым семейством. Невестка Катя, налитая, ядрёная, обхватила, обдала жаром большого тела, двое цыгановатых и прогонистых пацанов-погодков, ровесников Розочки, Родя и Ося, стояли в сторонке, зыркали глазами, многозначительно переглядываясь и оценивая нагрянувшую родню. Софья Лазаревна начала тут же во дворе на солнцепёке вытаскивать из сумки подарки: Гоше – цветастую безрукавку-реглан, Кате – шаль-накидку, пацанам – по футболке (похоже, на вырост, уж сильно ужаренные оказались). Хорошо, Светлана выручила, вдруг почувствовавшая себя хозяйкой (или почётной гостьей), призвала братьев на помощь – сумки занести. И подарки разглядывали уже в доме, в прохладе, возле стола, на котором спешно появлялись всякие южные вкусности. Так что в целом встреча прошла неожиданно тепло. И когда уже девчонки с братьями убежали на море купаться, оно, хоть и не было видно, плескалось где-то недалеко, расслабившись от домашнего вина и уюта, Софья Лазаревна призналась, что ей хорошо с роднёй. И родня в ответ рассыпалась приглашениями на будущее, отмечая, что девки её на загляденье хороши и на их драчунов и остолопов повлиять могут... И стали расспрашивать о жизни в снегах да морозах, о заработках, а осмелев, Георгий заявил, что пусть Осип шлёт ему вызов, и он поедет куда угодно ради таких деньжищ... Катерина возражать не стала, пообещав отпустить, но под ручательство Софьи Лазаревны, потому что, в отличие от Осипа, её Гоша слаб до винца, а с деньгами да без её контроля – так вообще меры знать не будет... В ответ Гоша обиделся, в запале хватанул полный стакан и ушёл во двор, оставив женщин одних...

– Девки у тебя гарные, – похвалила чернобровая Катя, ещё не утратившая былой броской красоты. – Ты за ними гляди да гляди... У нас парубки шустрые, на ходу вскочить могут...

– О чём ты, – отмахнулась Софья Лазаревна. – Они у меня серьёзные, о парнях не думают...

И не удержалась, рассказала родственнице, кто да как за Светланой ухаживал.

– Вот я и говорю, – закивала та, выслушав. – Светка твоя – хоть сейчас под венец али на копну...

– Скажешь, – размягчённо отозвалась Софья Лазаревна, втайне гордясь, что такие у неё дочери, но уже и опасаясь за них, вспомнив рассказ Риммы Васильевны о пляжном соблазнителе, каких по-видимому, и тут немало. Хоть пляжа нет, но до Одессы рукой подать. И на всякий случай предложила-попросила:

– Пусть твои ребята за ними присмотрят, хоть малы ещё, но всё же братья...

– Ой, не гляди, что малые, – всплеснула руками Катерина. – Они точно никого не допустят... Накажу... А тебе, Софочка, отдохнуть надо... Я там, в комнате постелила, знала ж, с дороги...

– Надо бы за девчонками сходить, – предложила совершенно не желающая никуда идти Софья Лазаревна и обрадовалась, услышав заверения, что с Родей и Осей им нечего бояться. И что, если надо, Катерина Гошу отправит сейчас, пусть проветрится...

Млея на прохладной простыне, впервые за последние дни она заснула совершенно беззаботно и сладко...

9

На студёном Севере Софья Лазаревна планировала, что пробудет в гостях у родни от силы пару недель, а потом вернётся в родное Подмосковье, где проведёт остаток отпуска, следя за домом и квартирантами и встречаясь со знакомыми. Но, спустя две недели, поняла, что не хочется ей торопиться от тепла да фруктового изобилия. А ещё больше не хотели уезжать девочки, загоревшие не хуже братьев, похудевшие, вытянувшиеся, ежедневно сопровождаемые толпой разновозрастных поклонников.

С Катериной Софья Лазаревна обговорила, что заплатит столько, сколько дали бы отдыхающие, отнекиваний не стала даже слушать и отдала деньги сразу за месяц, чем развеяла опасения хозяйки и укрепила доверительные отношения. Сходив несколько раз на море, она решила, что гораздо полезнее для её здоровья отдыхать в тенистом дворе, и проводила дни в неспешных разговорах с Катериной, охотно помогая ей по хозяйству. Потом решила наварить варенья, чтобы хоть немного увезти тепла и солнца для Осипа Давидовича, который пару раз уже вызывал их на переговоры, волнуясь и радуясь, что у них всё хорошо складывается. Податый Гоша, в первый раз сопровождавший её на переговорный пункт (у девочек, как всегда, были свои дела), кричал в трубку, что ради длинных рублей он готов обменять эту надоевшую жару на самый жгучий мороз, но всерьёз это никто не воспринял, а Осип Давидович твердо пообещал, что на следующее лето он обязательно приедет...

Второй раз она пошла одна и они поговорили с мужем обстоятельно.

Она узнала, что Римма Васильевна всё ещё не вернулась, хотя вроде бы Виталий поступил. Николай только улетел в отпуск. Школьники с мамами разъехались кто куда и в посёлке остались в основном мужчины, работающие ударными темпами. Осип Давидович сказал, что тепло уже пошло на убыль, солнце – на ночь и пусть они запасаются и тем, и другим на долгую зиму.

Поговорив с мужем, Софья Лазаревна неожиданно для себя нашла в сумочке записную книжку и попросила соединить её с Одессой. Телефон ответил. Она услышала голос Риммы Васильевны, и та узнала её голос, они поздоровались искренне и радостно. Римма Васильевна стала звать их к себе в гости, сообщив, что она одна в трёхкомнатной квартире, Виталий с приятелем отдыхает под Москвой. («Ох, Софочка, какой ужас, конкурс, столпотворение, сплошные медалисты, но он поступил, правда, выбрали в последний день другой вуз, связанный со строительством, там хорошие связи, друзья... Я здесь недельку – и в Москву, устрою Виталия, – и возвращаться пора... Приезжай, Софочка, покажу тебе мой город...»)

И Софья Лазаревна согласилась. Ещё раз уточнила, как добраться, и пообещала буквально завтра же приехать с девочками.

Но ни Светлана, ни Розочка особого желания ехать не изъявили, заявив, что не хотят терять ни дня без моря, солнца, что Одесса всё равно не интереснее Москвы, и Софья Лазаревна поехала одна...

Неожиданно легко и быстро (помог таксист-старожил) отыскала дом Риммы Васильевны, старинный, почти в центре, и встреча получилась радостной и домашней: Римма Васильевна встретила в халатике, простоволосая, ещё заспанная, искренне обняла и сразу же перешла на «ты». И они, делясь новостями на просторной кухне, не сравнить с их подмосковной, да и квартира была большая и уютная, только чуть отдавала затхлостью, варили кофе, а потом пили его с крендельками, напечёнными Риммой Васильевной. Наконец вышли на улицу «знакомиться с

Одессой» и, держась теневой стороны, пошли к набережной, на ходу заглядывая в магазины и магазинчики, отчего дорога оказалась длинной, хотя набережная от дома Риммы Васильевны была не очень далеко, и день как-то незаметно склонился к закату. И тогда Софья Лазаревна не выдержала, спросила:

– А где пляж, о котором ты рассказывала ?

– Пляж?.. – Римма Васильевна недоумённо взглянула на неё. – Городской пляж?.. Ты хочешь искупаться?

– Нет. Я и купальник не взяла, – возразила Софья Лазаревна, отчего-то краснея. – Тот, о котором ты рассказывала...

Видя, что Римма Васильевна не понимает, неуверенно добавила:

– Где твоя любовь...

Римма Васильевна замерла, с трудом постигая смысл сказанного, и наконец поняла, всплеснула руками, весело уточнила:

– Где осталась моя первая любовь?..

– Да, – подтвердила Софья Лазаревна.

– Это наш пляж... – И, словно прочтя её тайные мысли, игриво добавила: – Пошли, так и быть, покажу тебе места боевой славы...

Они вышли к пляжу, когда солнце готовилось уйти за горизонт и на берегу остались самые заядлые купальщики. Мелкая волна с лёгким шуршанием накатывалась на берег, море было спокойным, и оттого Софье Лазаревне вдруг ужасно захотелось войти в воду, таящую в себе нечто необходимое ей. Вдохнув, она громко пожалела о том, что не захватила с собой купальник, и Римма Васильевна решительно потащила её вдоль берега к концу пляжа, туда, где уже никого не было, и когда они отошли от последних купальщиков так, что в сумраке их стало трудно разглядеть, первой скинула с себя всё, что на ней было, и, белея рыхлым и полным, но ещё сохранившим формы телом, вбежала в воду. Позвала задержавшуюся Софью Лазаревну. И та, ещё раз оглядевшись, поступила так же: запрятав трусики и бюстгалтер под платье, вошла в тёплую и мягкую воду, не сдержав стона наслаждения. Римма Васильевна, уплывшая куда-то в ночной простор, громко поинтересовалась, нравится ли ей ночное купание, и она восторженно прокричала, что лучшего не помнит...

Римма Васильевна наконец выплыла из бархатной темноты, вышла на берег. Стоя нагишом в свете нарождающейся луны, собрала рукой мокрые волосы на затылке. Поглядывая на смутные очертания плавающей вдоль берега Софьи Лазаревны вдруг сказала:

– Виталик-то мой сохнет по твоей Светлане...

– Было бы с чего, – не особенно вдумываясь в услышанное, невпопад отозвалась Софья Лазаревна, направляясь к берегу.

– Ну, не скажи! Есть с чего сохнуть, – по-учительски категорично отозвалась Римма Васильевна. – Пара неплохая, кто знает...

Она не закончила фразу, заметив изогнутую фигуру сидящего возле их одежды мужчины. Вышедшая из моря Софья Лазаревна, ойкнув, испуганно спряталась за неё...

– Нарушаете, дамочки... – Раздался хриплый равнодушный голос. – Здесь городской пляж, а не...

– Свежая новость, – с иронией перебила Римма Васильевна и, несколько не смущаясь, стала одеваться. Держа в руках широкую юбку, подождала, пока Софья Лазаревна оденется за её спиной и, обойдя сидящего, направилась в сторону городских огней.

– Рим, да ты погоди...

Изломанная фигура распрямилась и оказалась длинной и худой, такой же чёрной, как ночь, увенчанной на самом верху маленькой птичьей головкой с длинным носом и седым хохолком-ёжиком.

Римма Васильевна нехотя обернулась, глядя снизу вверх на едва различимое сморщенное лицо:

– На бутылку дать?

– Ну зачем так... Столько не виделись... Ты всё хорошеешь... И подруга тоже... ничего...

– На две? – перебила она и, сжав пальцами Софью Лазаревну выше локтя, прошептала: – Вот она, Софочка, моя первая и пропавшая любовь... Кто поверит, что за этим чучелом когда-то девки гурьбой ходили...

– И сейчас, – срывающимся голосом заметил мужчина.

– Не надо, Олег, не надо...

Римма Васильевна вытащила из внутреннего кармана юбки несколько сложенных купюр, протянула одну мужчине.

– Тут и на закуску хватит... – И вдруг по-бабьи жалобно протянула: – Что же ты так, а..? – И, не ожидая ответа, не отпуская руку Софьи Лазаревны, быстрым шагом пошла с пляжа.

Перед фонарями остановилась, торопливо надевая юбку:

– А давай-ка, Софья, после купанья, выпьем с тобой...

– Мне ещё ехать, – робко возразила Софья Лазаревна.

– А ты оставайся... Посидим, поболтаем...

– Волноваться будут, – возразила Софья Лазаревна, с сожалением думая, что всю жизнь она делает не то, что хочет.

– На нет и суда нет...

Римма Васильевна остановила такси, они покатали по светлым, праздным и многолюдным улицам. И Софья Лазаревна молча впитывала атмосферу большого южного города, непонятно почему жалея и себя, и Римму Васильевну, и даже Светочку, о которой вдруг вспомнила.

10

Возвращались они в самый пик обратной миграции, когда северные аэропорты заполнялись шоколадного цвета отогретыми северянами. Встречались знакомые после длинных и богатых на события отпусков, и на оставшиеся деньги допивалось шампанское, доедались начинавшие портиться фрукты, потому что именно в это время к переполненным аэропортам добавлялась нелётная погода, удлиняя отпуск. В какой-то мере это было даже благом, ибо так растягивался переход от одной формы жизни: без забот, без дома, без усталости – к другой, выматывающей, с ежедневной работой, однообразной домашней суетой, долгой холодной зимой...

Им повезло, от моря они уехали по настоянию Софьи Лазаревны раньше, чем хлынул в обратном направлении поток отдыхающих, сразу же купили билет до Норильска, и почти неделю привыкали к уже начинавшейся осени в Подмосковье, следя за качеством ремонта, проводимого квартирантами. Вылетели по расписанию и прилетели в Алыкель вовремя, но за пару часов, что переезжали на свой маленький аэродром, тундру затянула дождливо-снежная морось, и маленькое помещение аэропорта местных авиалиний стало напоминать табор, сначала возбуждённо пьяненький, потом устало бодрящийся и наконец откровенно тоскующий, готовый на любые авантюры. Когда в конце концов мгла рассеялась и на горизонте завиднелись вершины Путоран, безотказные «аннушки» натужно загудели и заторопились-засновали над уже кое-где покрытой снегом пятнистой тундрой, преодолевая последние сотни километров до теперь уже несомненно желанных уютных домов, в которых всё было привычно и надёжно...

...Софья Лазаревна и девочки нашли свой дом именно таким; Осип Давидович подготовился к их приезду, наведя образцовый порядок. Розочка вихрем прошла по комнатам, проверяя любимые безделушки, развешивая плакаты новых музыкальных кумиров, а Светлана ушла в ванную и долго смывала с себя запахи аэропортов, настоянные более всего на мужском поте и перегаре.

Софья Лазаревна занялась приготовлением обеда, потому что у Осипа Давидовича ничего не оказалось, кроме нескольких банок тушёнки. Пришлось тут же начать уничтожать привезённые деликатесы, которые уже не очень хорошо выглядели, и она отправила Розочку за Осипом Давидовичем, чтобы тот смог тоже хоть немножко попробовать привезённых гостинцев. Тот прибежал на пару минут, почмокал их в щёчки, поудивлялся загорелости, стройности и прочим положительным изменениям, перехватил несколько кружков сервилата, запил чаем и убежал, потому что как раз в этот день он сдавал дом и ждал комиссию. И они остались на кухне одни: размягчённая Светлана, порывистая Розочка, стремящаяся убежать к подружкам, похвастаться загаром и новостями (в их числе было признание в любви не только Роди) и вдруг почувствовавшая себя очень усталой, словно и не было никакого отпуска, Софья Лазаревна. Наконец Розочка убежала и они остались вдвоём.

Софья Лазаревна начала было мыть посуду, но, взглянув на меланхоличную Светлану, за это лето вытянувшуюся и словно постройевшую лицом, села напротив и вдруг осознала, что у неё совсем взрослая дочь, которая скоро может выйти замуж, уйти из их дома и перестать быть маленькой Светочкой. И ещё неизвестно, как сложится её судьба... Она вспомнила слова Риммы Васильевны, подумала, что неплохо было, если бы действительно они стали родственниками (но – как даст Бог) и неожиданно спросила:

– Светик, а у тебя на море остался мальчик ?

– Какой мальчик? – Та вскинула глаза, с трудом уходя от своих мыслей и иронично улыбнулась. – Мальчиков, мама, осталось много... Только все они – мальчики...

И, поднявшись, ушла в комнату.

Софья Лазаревна несколько мгновений посидела, осмысливая услышанное, пытаясь догадаться, что дочь имела ввиду, мысленно поругала себя за то, что совсем не обращала внимание на девочек во время отпуска (то ненужные заготовки, то эта поездка в Одессу, выбившая из колеи на несколько дней, то раздражающий ремонт, потом утомительная и долгая дорога, а в это время дочери жили своей жизнью, но какой?), и прошла в комнату.

Светлана лежала на кровати, перебирая открытки с морскими видами, которые они привезли с собой, и Софья Лазаревна, присев рядом, спросила:

– Ты отдохнула?

– Мам, со мной всё в порядке, – с трудом скрывая раздражение, отозвалась та. – Я просто устала за эту дорогу... А может, не покупалась...

– Ты знаешь, Римма Васильевна говорила, что Виталий скучает по тебе...

– А я нет, – Светлана поднялась, собрала открытки, бросила на стол. – Давай не будем на эту тему...

– Может, ты ... Может, тебе кто-то понравился?..

– Нравится – разонравится... – Светлана достала из шкафа брючный костюм, стала одеваться. – Мне ещё рано влюбляться, ты не переживай...

– Прогуляешься ?

– Пойду акклиматизироваться...

– Увидишь Розу, отправь домой...

Последила из окна за удаляющейся дочкой и вновь подумала о том, что придёт время, и уйдёт она из дома. А следом и Розочка. И неизвестно, для кого и для какой судьбы она их рожала, а потом воспитывала. Вдруг окажется, что для кого-нибудь, похожего на пляжного Олега. И ей стало обидно до слёз, словно это уже случилось.

Она повернулась к окну, в которое по утрам заглядывало солнце, и попросила Господа, чтобы дал он её девочкам судьбу хорошую, а мужей надёжных и любящих... Хотела добавить: чтобы таких, как ей, но вдруг засомневалась, вспомнив сильные руки Николая, и вслух произнесла:

– И любимых...

Дольше всех отдыхал Игорёк. Он появился в классе в конце первой недели, когда все уже обсудили летние новости, привыкли к произошедшим с каждым изменениям и ему достался финальный, а оттого самый эффектный выход. И он справился с этим выходом, поразительно вытянувшийся, раздавшийся в плечах. Но самое главное, что в нём появилось, – это незнакомое, независимое и снисходительное выражение лица. Теперь Игорёк не отводил, как прежде, взгляда, когда на него пялился кто-то из девчонок, в его глазах появилось нечто, заставлявшее их стеснительно отворачиваться. Через пару дней Альбина, которая на лето никуда не ездила, оттого выглядела бледнее и привычнее остальных, выдала ошеломляющую новость: Игорёк пытался ею овладеть, она чудом устояла, потому что такие ласки ей ещё не доводилось испытывать. По секрету она сообщила, что Игорёк летом где-то в Белоруссии, где он отдыхал у родственников, сошёлся с перезревшей студенткой, и та его обучила всяким непристойным вещам. И что она, пожалуй, оставит Тиму, как бросила своего летнего ухажёра («хотя Тима тоже изменился, и они неплохо смотрятся рядом») и, наверное, увлечётся Игорем по-настоящему...

Светлана выслушала её откровения молча, но на Игорьку стала смотреть с любопытством, и во время уроков порой как бы случайно касалась его коленкой или плечом (они сидели всё так же за одним столом) и чувствовала, как он напрягался. Первый раз хотела по этому поводу сострить, но, перехватив его взгляд, словно знающий что-то неведомое ей, промолчала. Бывшее некогда снисходительное отношение сменилось любопытством к Игорьку и раздражением по отношению к Альбине, которая откровенно соблазняла того и потом хвасталась оставленными им засосами на большой белой груди.

На несколько дней появился в посёлке Вовка Сивков, выглядевший взрослым и усталым. Он всё лето провёл в тренировочных лагерях, участвовал во всяческих соревнованиях и на фоне отдохнувших одноклассников выглядел совсем неинтересно. Он заглянул в школу специально для того, чтобы встретить Светлану (он так и сказал: «Пришёл увидеть тебя»). Подпирая в коридоре стенку, дождался, когда они остались одни (начался урок), попросил прощения за всё плохое и признался, что она не выходит у него из головы, хотя «тёлок» вокруг хватает, и пригласил приехать на каникулы в Норильск, он покажет ей город и вообще – они хорошо проведут время.

– Ты ничего такого не думай, – сказал он, – я без твоего согласия пальцем тебя не трону и никому не позволю.

Светлане стало его жалко, большого, переминающегося с ноги на ногу, менее интересного, чем очкастый Игорёк, и она пообещала, если получится, воспользоваться его приглашением.

Сивков вернулся в Норильск обнадёженный и так ничего и не понявший.

Уехал Сивков – прилетел Николай, отгулявший свой отпуск в родных местах и завернувший в Одессу, привёз приветы от дяди Гоши, Катерины и письмо для Розочки от Роди. Оказывается, он всего на день опоздал, не застал их, но провёл остатки отпуска просто великолепно; брат Осипа Давидовича оказался компанейским мужиком, понимающим толк и в рыбалке, и в вине...

Он рассказывал о местах, где они были, о тех, кого помнили. Сидели за столом, на котором стояли вазы с сочными фруктами (он довёз все в прекрасном виде), а за окном лениво падал мокрый снег и, казалось, Николай сам источал южный дурманящий зной... Даже Осип Давидович, не выдержав, выразил сожаление, что не получилось у него съездить этим летом, но уж на будущее... А Софья Лазаревна, вздохнув, напомнила, что на следующее лето Светочке поступать, а они ещё не решили, куда, поэтому вполне возможно, что море придётся отложить...

– Поступит – и все вместе нагрянем к Георгию, – уверенно заявил Николай. – И такой отдых устроим... Да, кстати, я ведь кино там снял...

И всем захотелось кино посмотреть. Может оттого, что уже соскучились по лету, а может, от выпитого молдавского вина. Но оказалось, что плёнку ещё надо проявить, потом смонтировать, вот если бы Светлана помогла... Но Светлане оказалось некогда: последний год, надо заниматься серьёзно, и было решено, что ничего страшного, если кино будет готово к Новому году. Это даже интереснее – в разгар зимы, морозов, северного сияния перенестись к морю...

Светлана первой ушла в свою комнату («уроки, уроки»), за ней убежала на минутку к подруге Розочка («уточнить по задаче»), а взрослые пошли провожать Николая, потому что снег идти перестал и выглянуло солнце, ещё яркое, но уже не греющее.

...На обратном пути Софья Лазаревна пожаловалась Осипу Давидовичу, что совсем не понимает Светлану, но чувствует, что с той что-то происходит и оттого очень переживает.

– Что происходит? – жизнерадостно отозвался Осип Давидович, находясь всё ещё под воздействием прекрасного вина. – Влюбляться пора... Разве ты не помнишь?

– Какой ты несерьёзный, Ося, – поморщилась Софья Лазаревна.

И рассказала о мальчиках и даже вполне взрослых мужчинах, провожавших Светлану с морских купаний. И о Виталии, скушающем о ней в Москве. И о Николае, потому что видела, как тот смотрит на Светлану.

На это Осип Давидович отреагировал живо, до конца не поверив, и вдруг признался, что был уверен: Николаю нравится именно она, Софочка.

– Я нравлюсь? – фыркнула Софья Лазаревна, чувствуя, как загорелись щеки. – Да я уже старуха...

– Ты ещё ого-го, – пьяненько польстил Осип Давидович и обнял её так, что ей стало больно. – Сейчас ляжем в постель и проверим...

– О-ся-я... – осуждающе протянула Софья Лазаревна, ловя себя на вдруг возникшем (это бывало нечасто) желании, и может поэтому не стала больше ничего говорить, а ускорила шаг...

12

Сентябрь прошёл в привыкании к преобразившимся одноклассникам, октябрь – в трудах, стимулируемых и учителями, и классным руководителем, и родителями. И на ноябрьские праздники решено было расслабиться, проведя вечер исключительно для десятиклассников, по-взрослому, с застольем – по чуть-чуть сухого вина, всё равно ведь, если захотят, выпьют, а так – под присмотром будут. И хотя на составление новой праздничной программы не было времени, каждый постарался что-нибудь приготовить.

Софья Лазаревна восстановила с ансамблем старый репертуар и выучила пару новых песен из становившейся всё более популярной, но не совсем поощряемой английской группы «Битлз». Преподаватель английского языка на одном из уроков по рекомендации органов образования напомнил, что «битлз» в переводе с английского – всего-навсего «жуки» и что песни волосатых певцов ничего существенного не несут, явно уступая песням отечественным. Но это не повлияло на выбор, композиции «жуков» были выучены в первую очередь. К тому же их песни, тем более на английском языке, непонятные большинству, были не столь опасны, как те, что в последнее время каждый день хрипло неслись из окон общежития. Блатного певца звали Владимиром Высоцким, и, к великому удивлению учителей, он оказался актёром одного из столичных театров, даже снимался в кино. Песни Высоцкого явно толкали молодёжь на кривую дорожку, поэтому было решено пойти на уступку, пусть поют «Битлз», лишь бы никто не начал хрипеть под Высоцкого...

Ноябрь начался с сильных морозов и неожиданно раннего северного сияния. На праздники мороз чуть поубавился, и самые отчаянные девчонки прямо из дома пришли в нарядах, совсем не соответствующих сезону. Светлана тоже сшила платье. На этот раз оно отличалось

длиной, чуть-чуть прикрывавшей трусики и абсолютно не скрывавшей коричневых стройных ножек.

По поводу трусиков (в такой-то мороз недолго застудиться!) и длины платья (на пять сантиметров хотя бы длиннее, зачем заводить мальчиков?) перед выходом из дома у Софьи Лазаревны с дочерью произошёл неприятный разговор. Но ультимативное Светланино «либо так, либо никак» заставило Софью Лазаревну уступить, ещё раз молча утвердившись в выводе, что они совсем перестали понимать друг друга. Она обратилась за поддержкой к Осипу Давидовичу, но тот поступил антипедагогично, заявив, что у его дочери красивые ноги, которые грешно прятать. Правда, потом, под прессом аргументов Софьи Лазаревны, согласился, что, конечно, такая длина выглядит слишком вызывающей и учителям не понравится, и поспешно ретировался (опять что-то аврально сдавалось к празднику).

По контрасту с холодным и тёмным вечером за промёрзшими окнами, Светланины коленки и то, что было над ними настолько поразило всех, что даже прямолинейная физичка Любовь Васильевна неодобрительно (или, наоборот, поощрительно – сама не намного старше, правда, уже с маленькой больной дочкой и одна) покачала головой:

– Где ж ты так загорела, Светочка?

Словно не знала, где та отдыхала и не видела её в сентябре, совсем шоколадную...

Среди парней выделялся Игорёк. Он пришёл в сером костюме в светлую широкую полосу, из-под которого белела накрахмаленная рубашка, увенчанная чёрной с двумя тонкими белыми полосками – бабочкой. Не менее торжественно и солидно смотрелась и эстрадная гитара, которую он бережно положил на стул, разделяющий их со Светланой. Но ошарашил он всех позже, когда вызвался спеть и неожиданно даже для одноклассников (никогда прежде не пел так) вдруг захрипел:

Если друг оказался вдруг

И не друг и не враг, а так,

Если сразу не разберёшь,

Плох он или хорош...

Римма Васильевна взглянула на Софью Лазаревну, та в ответ отрицательно покачала головой, показывая, что и для неё это полная неожиданность. Тогда Римма Васильевна сделала вид, что ничего не произошло и даже похвалила Игорьку за прекрасное звучание гитары, тут же попросив исполнить песню про Усть-Илим. Но этой песни Игорёк не знал, как не знал и про «девчонок, танцующих на палубе», и Римма Васильевна пообещала найти альбом Пахмутовой и передать их ансамблю для дальнейшей работы. Таким образом, инцидент был превращён в ничего не значащее событие и плавно перетёк в танцы под магнитофон, под мелодии привычные и не несущие ничего негативного.

Светлана была нарасхват и не скрывала, что это доставляет ей удовольствие. Она никому не отказывала и даже сама увела от Альбины покорного Тиму, тоже пришедшего в костюме, но менее модном и без бабочки. Альбина же отвоевала у всех желающих Игорьку, довольно бесцеремонно возложив ему на плечи руки и не позволив вывернуться. Но зато потом Игорёк уцепился за гитару и, сидя за столом, неслышно перебирал струны, равнодушно посматривая на танцующих.

Присевшая отдохнуть возбуждённая Светлана допила своё вино и поинтересовалась, почему он ни с кем не танцует, и Игорь, аккуратно положив на стул гитару, наклонился к ней, отчего его колени уперлись в её, и выдохнул:

– Потанцуем?..

Похоже, он научился танцевать: вёл легко, хотя был даже чуть ниже Светланы, и от него приятно пахло хорошим одеколоном, а его ладони волнующе прижимались к её лопатке и талии. И Светлана, почти касаясь щекой его щеки, находила эту близость приятной.

– Говорят, у тебя летом был роман? – негромко спросила она и отстранилась, желая увидеть выражение его лица.

– Роман?.. Да нет, просто хорошо провёл время...

Стёкла очков отблёскивали и не позволяли увидеть его глаза.

– Она была... – Светлана запнулась, ей хотелось многое узнать о таинственной женщине Игорька: – красивая?..

– Как ты, – с вызовом ответил Игорь и прижал её к себе.

Она не стала сопротивляться, ощутив жёсткость и тепло его груди и бёдер. И он, ничего не говоря, вывел её из зала. Они торопливо прошли по коридору, поднялись на второй этаж и вошли в первый открытый кабинет – географии и биологии. Всё ещё держа её за руку, Игорь прошёл в темноте к доске, рядом с которой смутно угадывалась карта Советского Союза.

На ней при желании можно было отыскать Одессу, в которой остались Володя и Марат, безуспешно добивавшиеся Светланы ушедшим летом (хотя взрослому и стройному Марату она позволяла себя целовать – у него были колючие чёрные усики, они щекотали ей губу, и она с трудом сдерживала смех, оттого так и не поняла, приятно ей это или нет).

Можно было отыскать и Витебск, и протекающую через него реку Западная Двина, на берегу которой Игорёк и познакомился с золотоволосой Яночкой, миниатюрненькой и смешливой, похожей скорее на восьмиклассницу, чем на студентку, но она умудрялась вбирать его тело в своё и казаться большой и взрослой. И ему было больно, когда она уезжала. Он очень просил, чтобы она оставила ему адрес, но она сказала, что это совсем ни к чему, что у неё есть жених, и она никаких чувств к Игорю не испытывает. Даже когда автобус уже давно скрылся за поворотом, он всё глядел вслед, не веря в услышанное и тоскуя от невозможности возразить...

Игорь снял очки, обнял Светлану и впился губами в её рот. Светлана отстранилась, губы её были раскрыты и поцелуй получился неприятным.

– Подожди, – она упёрлась ладонью ему в грудь. – Отчего ты решил, что я хочу целоваться?

– Все девчонки этого хотят, – шумно дыша, произнёс Игорь и попытался вновь поцеловать её.

Но Светлана отступила и недовольно предупредила:

– Я уйду...

– А зачем ты тогда пошла со мной? – с вызовом спросил он, надевая очки.

– Зачем?..

Светлана прошла к выключателю, щёлкнула, зажмурилась от яркого света и вернулась к стоящему у доски Игорю.

– Зачем? – повторила она. – Просто ходят такие сплетни... А вот скажи, если бы сейчас была я и та девушка, с которой ты... Кого бы ты выбрал?

Игорь улыбнулся уголками губ, помолчал, то ли выдумывая ответ, то ли не решаясь быть искренним и коротко ответил:

– Её.

Ответ огорчил Светлану и разделил их. Игорь уже не казался интересным, ей захотелось посмеяться над ним, как она делала прежде, хотя она понимала, что теперь он не простит этого. И ей очень хотелось увидеть незнакомую ей девушку, оказавшуюся для Игоря желаннее её, а значит, и красивее.

– Почему?

Он молчал, и она, не дожидаясь ответа, спросила:

– А у тебя её фотка есть?

Он помотал головой, глядя в окно.

Вдали послышались шаги и, торопясь, она попросила:

– Напиши, пусть пришлёт.

Игорь не успел ответить, в кабинет вошла Римма Васильевна.

– А я смотрю, свет горит, – произнесла она, окидывая всё замечающим взглядом и комнату, и их, особенно Светлану. – Надоело танцевать?

– Да вот Игорь мне рассказывал, как провёл лето, – нашла Светлана.

– Ну да, лето..., – задумчиво произнесла Римма Васильевна, обходя кабинет по периметру, по пути прикасаясь ладошкой к крышкам столов, словно удостоверяясь в их наличии. – А куда, Светочка, ты поступать будешь?

– Я ещё не решила. Или в пед, или в химико-технологический...

– А Игорёк у нас в горный, насколько я помню...

– Я передумал.

– Вот как? – удивилась Римма Васильевна. – И куда же?

– В архитектурный... А Виталий где учится?

– Он будет строителем, – с гордостью произнесла Римма Васильевна. – Пишет, что ему всё нравится, и институт, и друзья...

– Там танцы ещё не кончились? – перевела разговор Светлана.

– Да, уже всё завершается...

– Тогда мы пойдём...

Светлана первой вышла за дверь и, не ожидая Игорька, торопливо пошла в спортзал.

13

Вторая четверть, между двумя праздниками, – самая короткая. А оттого, что самая холодная, ещё и самая продуктивная: малышня пропадала днями в спортзале (на улице мороз под сорок), а десятиклассники после уроков оставались на всякие факультативы, консультации, репетиторство. Правда, не все. Альбина и Тима заявили, что никуда поступать не собираются, им хватит и десятилетки. Тима выучится на шофера и тракториста (у него отец – бригадир ремонтников), а Альбина сказала, что летом открывается столовая-ресторан и она пойдёт туда официанткой (её тётя, мать Вовки Сивкова, там работала бухгалтером) и, вполне возможно, выйдет замуж, но только вот пока не выбрала, за кого.

– На твоём месте я бы зацепилась за Вовку, – посоветовала она Светлане, в очередной раз рассказывая о спортивных успехах брата, который уже играл за взрослую команду и получал всяческие награды и призы. – Кто тебя ещё так полюбит, – говорила она. – Я ведь знаю, он по тебе сохнет... И учти, он ревнивый жуть. Если узнает, что другой у тебя, убьёт...

– Это он просил мне об этом сказать?

– Да ничего он не просил, – взвилась та. – Я тебе, можно сказать, по секрету, если узнает – мне достанется...

– Ну так вот, для твоей же пользы будем считать, что ты ничего мне не говорила...

– Не говорила, так не говорила... – Альбина прищурилась, отчего её полные щёки поднялись вверх. – Только Игорь тебе тоже не светит, ты ему разонравилась...

– Всё-то ты знаешь, – бросила Светлана, стараясь не показывать, что это её задело.

Она сама не могла понять, как относится к Игорю. Порой, незаметно наблюдая за ним, она испытывала острое желание приласкать и защитить. Такие у него беззащитные под очками глаза. Порой же вытянутое, маленькое лицо Игорька было ей неприятно.

Последнее время она ловила себя на том, что стала замечать в других то, что прежде не видела.

Например, наталкиваясь иногда взглядом на Тиму (он сидел теперь рядом с Альбиной), она удивлялась его выражению безразличия ко всему, что происходит.

Вспоминала большое лицо Вовочки Сивкова и взгляд его тёмно-синих глаз, которые в последнюю их встречу излучали откровенную мольбу. И это тоже было её открытием.

Впрочем, подобные мысли навещали её редко: она решила во что бы то ни стало поступить в институт и усиленно занималась.

Софья Лазаревна в последнее время перестала интересоваться её жизнью, Розочка вступила в переходный возраст, а у них в классе образовалась компания, помешанная на зарубежной музыке и журналах и она перестала готовиться к урокам, пропадая невесть где целыми днями, и круглые пятёрки (Розочка всегда была примером для сверстников и даже для сестры) сменились чётко выведенными четвёрками и даже кричаще жирными тройками. Софья Лазаревна пыталась объяснить младшей дочери пагубность увлечений и естественность всего, что происходит с её телом, но Розочка, похоже, её слов не воспринимала.

Римма Васильевна приватно побеседовала и с Софьей Лазаревой, и с тремя другими мамами (в компании было два мальчика и две девочки), разяснив, чем чревато увлечение идеологически чуждой культурой и обрисовав самые драматичные перспективы. На какое-то время компанию удалось растащить, но Розочка от этого прежней не стала и даже с сестрой перестала делиться своими секретами.

Единственным человеком, который продолжал жить в прежнем ритме, был Осип Давидович. Он рано утром уходил на работу и поздно вечером приходил, зачастую засыпая ещё до Софьи Лазаревны, отчего их супружеская близость стала редкой и скоротечной. Но даже из редкого семейного общения и девочки, и Софья Лазаревна знали, что все его труды не напрасны, потому что Осипа Давидовича представили к правительственной награде и поставили в льготную очередь на приобретение автомашины. Реальность того и другого становилась всё более очевидной ещё и потому, что теперь Осип Давидович был мастером, у него в подчинении были две бригады, одна строила, а вторая занималась внутренней столяркой и морозы теперь не прерывали рабочего цикла.

Зима в тот год была не очень холодной, морозы держались около сорока градусов, активов всего-то с неделю и было, и то не для всех: старшекласникам занятия не отменяли. И эти дни Светлане особенно нравились: в школьных коридорах непривычно тихо и пустынно, малыши не лезли под ноги и не толкались, можно было не торопясь прогуляться на переменке или неспешно и со вкусом выпить чаю с пончиками в школьном буфете.

Здесь к ней за стол пару раз подсаживался физрук Гарик, предлагал вернуться в секцию (Диана после восьмого класса уехала на материк, остались три девочки, нечётное число), убеждая, что у неё есть способности и она вполне может стать мастером спорта и даже чемпионкой. Но она, сославшись на необходимость готовиться к экзаменам, отказалась. Гарик стал интересоваться, куда она собирается поступать и усердно рекомендовал Ленинградский институт физкультуры, который закончил сам, ну в крайнем случае советовал поступать в какой-нибудь питерский вуз, потому что Питер – самый интеллигентный город страны. Светлана возразила, что самые лучшие вузы в Москве, а живёт она в Подмосковье, зачем же ей ехать в промозглый Ленинград...

– Но мы бы могли там с тобой встречаться, – перегнулся через стол Гарик, отчего его шея и выглядывающие из-под спортивной майки плечи налились упругой краснотой, словно приглашая их потрогать.

– А у тебя там жена...

И этот наглый переход на «ты», и главное – то, что она знает о наличии жены, подействовали: физрук торопливо отставил стул и заспешил в спортзал, на ходу привычно окидывая оценивающим взглядом входящих в столовую восьмиклассниц...

Николай как-то незаметно исчез с горизонта, да о нём и не вспоминали, лишь Розочка в начале декабря обмолвилась об обещанном фильме о море. Только тогда от Осипа Давидовича они узнали, что Николай, поскользнувшись на сходнях, упал со второго этажа, сломал ногу и месяц лежит в больнице.

– Какие же мы бессердечные, – вздохнула Розочка и, надевая шубу, выдохнула: – Как хочется лета...

– Надо бы навестить, – ни к кому не обращаясь, произнесла Софья Лазаревна.

– Вот и сходите с отцом, – отмахнулась Светлана, не испытав от новости никаких чувств.

– Надо будет, – послушно согласилась Софья Лазаревна, убирая со стола.

Последнее время она вдруг стала ощущать себя постаревшей и уставшей, хотя, оставаясь одна, нередко раздевалась до белья и, разглядывая себя в трюмо, находила, что совсем неплохо выглядит, а в некоторых местах, если сравнивать со сверстницами или с той же Риммой Васильевной, даже привлекательно с точки зрения не только солидных мужчин, но и юной. Во всяком случае, ей казалось, что даже рядом со Светланой она выглядит не намного старше и вполне могла бы сойти за старшую сестру. И ей становилось обидно, что её ещё вполне девичьих форм никто, кроме мужа (и то крайне редко), не видит. Засыпая под потрескивание мороза за деревянными стенами, она вспоминала море, пляж и жилистого знакомого Риммы Васильевны, пыталась представить их вместе: пухлую и белую её и загоревшего до черноты его...

В череде буден подкатили предновогодние заботы и хлопоты. Более всех предстоящим праздникам радовалась Розочка, которая уже забыла увлечение зарубежной музыкой и теперь была озабочена нарядами и особенно маскарадным костюмом, потому что в этом году было решено провести не обычный вечер, а костюмированный бал. Идея эта принадлежала Софье Лазаревне и понравилась всем, включая строгую и не улыбкувую учительницу математики Маргариту Ивановну. Учителя попросили разрешения привести на такой вечер своих маленьких детей, поэтому на сценарий и на подготовку к балу было обращено особое внимание и директора, и родительского комитета, который взял на себя решение всех материальных вопросов.

Перед балом, не отступая от традиции, решили устроить небольшой концерт самодеятельности (иначе в районе не поняли бы, да и для отчёта необходимо). От подготовки праздничного концерта были освобождены десятиклассники, но Игорь и Тима изъявили желание выступить. Игорь заявил, что исполнит на гитаре что-нибудь современное («Только не Высоцкого», – поставила условие Римма Васильевна), а Тима вызвался прочесть отрывок из «Евгения Онегина»; у него был бархатный тембр, производивший магическое впечатление, если собеседница его не видела, поэтому нередко ребята просили его позвонить девчонкам и вызвать их на свидание.

Светлана на просьбы Софьи Лазаревны и Риммы Васильевны принять участие в концерте и исполнить что-то уже выученное ответила категорическим отказом и тем самым расстроила квартет, заявив, что ни на какие балы она вообще не пойдёт. Посоветовавшись, они решили, что та переутомилась и лучше оставить её в покое.

Розочка, вновь став общительной и послушной, по вечерам порхала по квартире, обсуждая с Софьей Лазаревной новогодний наряд, а Светлана, закрывшись в комнате, читала романы. Софья Лазаревна надеялась, что это её настроение скоро пройдёт, но Светлана выдержала до последней, уже суетной, предновогодней недели и лишь тогда достала из шифоньера своё злополучное платье (оно так и висело порванное) и вдруг стала его зашивать, никак не отреагировав ни на удивлённый взгляд Софьи Лазаревны, ни на фырканье Розочки.

На новогодний бал напросились бывшие выпускники, оставшиеся в посёлке. Их было трое: двое парней – оба работали бетонщиками на плотине, самая высокооплачиваемая, но тяжёлая работа, – и девушка, вышедшая осенью замуж за бульдозериста, приехавшего на стройку после демобилизации из танковых войск. На родительском комитете им разрешили быть на балу и даже поручили сделать стенд о том, где и как устроились во взрослой жизни их одноклассники. Стенд они сделали, и оказалось, что все остальные, помимо Виталия, поступили, куда и планировали: в Москве в МГУ на факультете журналистики училась отличница

Вера Маковская. Ещё одна девчонка (Светлана её не помнила) училась в Томске в радиотехническом институте. Двое в Иркутске, в политехническом институте, только на разных факультетах: на геологоразведочном – Женя Глазков – он мечтал стать геологом, Людмила Овсеева – на энергетическом (что-то связанное с автоматизированными системами управления).

У них в эти самые дни шла самая ответственная первая зачётная сессия, и в сценарий вечера было вставлено упоминание о поступивших и пожелание им удачи. Текст Римма Васильевна хотела поручить прочесть Светлане, но та вновь отказалась. И тогда вспомнили про Тимин голос и срочно и без сожаления исключили из репертуара концерта отрывок из Евгения Онегина. потому что на репетиции всем показалось, что Тима читает абсолютно не так, как нужно читать классику, поручив ему более ответственное дело. Тот с неохотой, но вынужден был согласиться, хотя был уверен, что читал Пушкина просто отменно и даже приготовил нечто наподобие цилиндра, а к чёрному, купленному уже к выпускному вечеру, пиджаку приметал полы из сатина, чтобы тот походил на фрак и отрепетировал особенно проникновенно «Светлана, милая Светлана» вместо авторского «Татьяна, милая Татьяна». Это было его завуалированное признание, после которого неизбежно должен был последовать разрыв с надоевшей Альбиной.

И вот всё задуманное рухнуло.

Но рухнуло не только у него – тридцатого декабря из Москвы, попутным грузовым бортом (помог папа) прилетел Виталий. Он досрочно сдал зачёты, экзамен был пятого января, и он прилетел встретить Новый год в семейном кругу. Утром прилетел, а вечером уже был в центре внимания не только одноклассников, которые тут же признали его лидером и слушали, разинув рты его рассказ о студенческой жизни, но и всей школы. Тут же перекроили сценарий.

Вместо Тимы слово теперь было предоставлено Виталию.

Он охотно стал рассказывать о том, чем и как живёт столица и молодёжь в стольном граде. Было это после концерта, когда все уже сидели за накрытыми столами. Светлана – в том самом сиреновом платье рядом с Игорем, который до появления Виталия, несомненно, был самым интересным среди мальчишек.

Под пожелание Виталия процветания родной школе в Новом году и выпили шампанского.

А потом всем захотелось танцевать. Столы сдвинули к стенам, и на первый танец Светлану пригласил Игорь, опередив Тиму, так и не сумевшего убежать от Альбины, которая уверенно повела того в центр зала и, сблизившись со Светланой, довольно громко сообщила, что ей передаёт привет Сивков и что он приедет в середине января, раньше не получится, потому что они вылетают в Ленинград на соревнования.

– Зачем ты мне об этом говоришь? – спросила Светлана, не столько ожидая услышать ответ, сколько давая понять всем слышавшим, что ей это сообщение неинтересно.

– Ладно уж, – усмехнулась Альбина, – ты же знаешь, что Володька женится на тебе...

Светлана собралась ответить, но передумала и повела Игоря в сторону.

– Не обращай внимания, – пробасил тот, скользя потной ладонью по талии.

И от этой ладони, от сказанного Альбиной у неё вдруг испортилось настроение и она, ничего не объясняя и оставив посреди зала растерянного Игорька, стремительно вышла в коридор. Быстро прошла мимо застывшей у лестницы парочки на второй этаж, вбежала в ближайший класс и тут, наконец, разрыдалась вслух.

Немного успокоившись, подошла к окну, прижалась лбом к холодному стеклу, пытаясь разобраться в своих чувствах.

В коридоре раздались неторопливые шаги, дверь распахнулась, и в светлом проеме появился Виталий.

– А я– то думаю, куда исчезла принцесса бала, – весело произнёс он, подходя к ней . – Или меня не хочешь видеть? – Коснулся длинными пальцами её щеки, удивился: – А откуда сырость?..

Она хотела отстраниться, но его пальцы были такими ласковыми, что, совершенно не отдавая себе отчёта, она положила сверху на его ладонь свою, прижала её к щеке. Виталий наклонился, другой рукой убрал прядь волос с лица, коснулся губами её полуоткрытых и ждущих губ, и она вскинула руки ему на плечи, наслаждаясь волнующим терпким ароматом мужских духов и отмечая, что ни один запах её не волновал так, как этот.

Губы Виталия скользили по её шее, оставляя жгучие следы, пальцы его расстегивали замок платья. Она фыркнула, вспомнив, что так уже было, и он шёпотом произнёс:

– Будешь вырываться – опять порвём...

Она обхватила его лицо ладонями, сама стала быстро-быстро целовать, задыхаясь от его запаха, от прикосновения его рук и совсем не думая о том, что эти руки делают с ней и лишь помогая им снимать лишнее. И когда он приник, сливаясь с нею в единое целое, принёс одновременно и боль, и наслаждение, она крепко-крепко обхватила его и замерла, пока он не отстранился, не стал торопливо застёгивать брюки. И только тогда она испугалась, увидев приоткрытую дверь и полосу света из коридора. Отодвинулась, торопливо надела трусики, пугаясь новых ощущений в себе и боясь, что это будет заметно остальным. Поправила волосы, прижалась к Виталию, надеясь на его защиту и помощь, и тот, мазнув губами по её щеке, торопливо произнёс:

– Ты не обижаешься на меня ?

– О чём ты?– не поняла она.

– Ты мне нравишься, как и прежде...

И опять она не поняла, но уточнять не стала; опьянённая новыми ощущениями, потянулась к нему.

– Ты знаешь, а у меня мокро, – вдруг призналась она, доверив ему то, что не доверила бы никому больше.

Виталий обхватил её за плечи, скользнул губами по щеке.

– А ты изменилась.

– Ты тоже.

– Ты стала красивее, – сказал он и, пройдя к двери, щёлкнул выключателем.

Она ладонью прикрыла глаза, попросила:

– Выключи.

– Кто-то идёт...

Но она уже и сама услышала шаги и торопливо села за стол. Виталий присел за соседний: невинная беседа хороших знакомых...

Римма Васильевна окинула их быстрым взглядом, дольше задержав его на Виталии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.